



РОССИЯ  
ДЕРЖАВНАЯ

СТАНИСЛАВ  
ВТОРУШИН

ЛИТЕРНЫЙ  
НА  
ГОЛГОФУ





Россия державная

Станислав Вторушин

**Литерный на Голгофу.  
Последние дни царской семьи**

«ВЕЧЕ»

2018

**Вторушин С. В.**

Литерный на Голгофу. Последние дни царской семьи /  
С. В. Вторушин — «ВЕЧЕ», 2018 — (Россия державная)

ISBN 978-5-4484-7261-9

По поручению Ленина чрезвычайный комиссар советского правительства Яковлев ищет пути доставки императора Николая II и его семьи из Тобольска в Москву, понимая, что уральские чекисты не пропустят его через Екатеринбург. Это история трагических, последних дней российского самодержца. Роман основан на подлинных исторических документах, с психологической точностью воссоздавая портреты главных героев.

ISBN 978-5-4484-7261-9

© Вторушин С. В., 2018  
© ВЕЧЕ, 2018

## Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	32
Глава 5	38
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

**Станислав Вторушин**  
**Литерный на голгофу**  
*Последние дни Царской семьи*

© Вторушин С.В., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

\* \* \*

## Глава 1

Государь услышал, как скрипнула дверь в прихожей, затем раздались осторожные, не похожие ни на чьи другие шаги по деревянному полу. Так ходил только Яковлев. Он обратил внимание на эту его странную походку еще при первой встрече. Яковлев всегда появлялся внезапно, и это приводило прислугу в растерянность. Но Государь уже научился отличать его шаги от всех остальных. Он повернулся к двери и стал ждать. Он знал, о чем ему сейчас скажет комиссар советского правительства. Яковлев постучал.

– Да, – сказал Государь и сделал шаг навстречу.

В дверном проеме показался Яковлев в черном элегантном пальто и белом шелковом шарфе, обмотанном вокруг шеи. В его левой руке была широкополая черная шляпа. В этом одеянии он скорее походил на петербургского повесу, чем на чрезвычайного комиссара революционной власти. Остановившись на пороге и слегка наклонив голову, Яковлев негромко произнес:

– Уже пора, Ваше Величество.

Он хотел добавить, что экипажи поданы и стоят во дворе, но, увидев, что Государь уже готов к отъезду, промолчал. На Николае была его неизменная военная форма без погон. Он выглядел спокойным, его красивое лицо с аккуратно подстриженной бородой, в которой явно виднелась седина, не выражало ни малейших признаков нервозности. Не было ее и во взгляде до сих пор молодых синих глаз. Правда, сам взгляд казался задумчивым. Слишком уж неожиданным получился этот отъезд.

Еще два дня назад о нем не говорилось ни слова. А вчера после обеда, когда дети и прислуга вышли из столовой, и за столом остались только Государь с Александрой Федоровной, Яковлев сказал, что надо ехать в Москву. Эта фраза оказалась похожей на внезапный удар молнии. Она могла означать только одно: большевики хотят встретиться с Государем, чтобы, используя его авторитет, решить важнейшие международные проблемы. Они отчаянно нуждаются в поддержке и не могут ни у кого найти ее. Но Государь не был готов к разговору с ними, он не знал истинных целей революции. Умевший всегда скрывать свои чувства, он внимательно посмотрел на Яковлева, а Императрица, вспыхнув, спросила:

– Кому ехать? Его Величеству или всем нам?

– Речь идет только о Его Величестве, – сдержанно ответил Яковлев. – Но если вы решитесь ехать с ним, возражений не будет.

– Но почему ехать? Зачем? – взволнованно спросила Александра Федоровна, сделав несколько нервных шагов по комнате. Всякая перемена обстановки пугала ее. За год заточения она уяснила, что от любой перемены их положение становится только хуже. Она остановилась напротив Яковлева, ожидая разъяснений.

– Я не могу ответить на этот вопрос, – вежливо произнес Яковлев. – Я выполняю только распоряжение доставить Его Величество в Москву.

– Чье распоряжение? – глаза Александры Федоровны потемнели, словно их накрыла внезапная тень.

– Председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета Свердлова.

– Он русский? – Императрица в упор посмотрела на Яковлева.

– Нет, – не отводя взгляда и немного помедлив, ответил он.

– Как его настоящая фамилия? – в глазах Императрицы проскользнула нескрываемая тревога.

Это не ускользнуло от Яковлева. До сих пор ему казалось, что Императрицу интересует только ее семья. Все, что происходило за воротами дома, находилось как бы вне ее сознания.

Теперь он увидел, что ошибался. Александра Федоровна тоже умела хорошо скрывать свои чувства.

– Я не имею официальных сведений о его настоящей фамилии, – глядя в глаза Императрице, сказал Яковлев. – А то, о чем говорят неофициально, не имеет смысла повторять.

– И почему они все время придумывают себе псевдонимы? – спросила Императрица таким тоном, будто именно это больше всего огорчало ее.

– Не могу знать, Ваше Величество, – ответил Яковлев. – Наверное, потому, что революционерам удобнее жить под чужой фамилией.

– Вы тоже революционер? – не скрывая досады, спросила Александра Федоровна.

– Я представитель новой власти, – произнес Яковлев, словно сожалея об этом, и отвел взгляд в сторону. – Революция уже произошла.

Императрица опустила голову и, подойдя к стулу, села, положив полные, ухоженные руки на стол. Глядя на них, Яковлев не посмел поднять глаз. Ему было жаль эту красивую и гордую женщину, еще год назад вместе со своим мужем управлявшую шестой частью земного шара. Если бы тогда кто-то сказал ему, что всего через год жизнь императорской семьи будет отдана в его руки, он бы расценил это как нелепую шутку. Но всего за один год в величайшей империи все перевернулось невероятным образом. «Да, кто бы мог предположить, что все так будет?» – думал Яковлев, глядя на совершенно расстроенную Александру Федоровну. И у него самого стало нехорошо на душе.

Всего несколько минут назад Александра Федоровна говорила с Николаем о Брестском мире, который только что заключили большевики. И когда Яковлев сказал им об отъезде, подумала, что Свердлов мог оказаться тоже немцем. Она никак не хотела связывать себя и Государя с этим договором, который означал безоговорочную капитуляцию России перед Германией. Ведь весь последний год войны либеральная пресса только и делала, что обвиняла ее в тайных связях с кайзером. И если бы Свердлов был немцем, это могло оказаться еще одним поводом для обвинения ее в пособничестве Германии. Но Яковлев не мог читать ее мысли, он видел только то, что Александра Федоровна очень расстроилась.

Она повернулась, скользя взглядом по просторной, светлой комнате с большими, высокими шкафами вдоль стен, к которой уже привыкла за долгих восемь месяцев ссылки, и тихо сказала:

– Мы сообщим вам, кто поедет с Его Величеством. Как скоро это надо?

– Сейчас, – ответил Яковлев.

– Мы не задержимся с ответом. – Александра Федоровна сдержанно кивнула и пошла в свою комнату.

Государь достал папиросу, размял ее и снова положил в коробку. Затем повернулся к Яковлеву и сказал:

– Мне надо выйти на свежий воздух. – Теперь он уже не скрывал того, что нервничал.

Надев шинель и фуражку и застегнувшись на все пуговицы, Николай спустился во двор. Солдаты охраны, лузгавшие семечки на завалинке, увидев его, встали и отошли к воротам. Они уже давно не относились к нему как к царю, а за долгие месяцы несения службы забыли о том, что такое настоящая воинская дисциплина. На охрану губернаторского дома, куда поселили императорскую семью, они ходили как на работу. Государь привык к этому и не обратил на них внимания.

Солнце уже по-весеннему пригревало землю, снег с крыш почти стаял, в ограде дома у самого забора стояла большая лужа. Иртыш взбух от прибывающей воды, еще день-два – и на реке начнется ледоход, и тогда заречье станет отрезанным от города. По всей видимости, это обстоятельство и торопило Яковлева. Он хотел проскочить на другую сторону Иртыша по опасному, но еще державшему повозки льду. А Государь не мог понять, почему возник этот неожиданный отъезд из Тобольска. В душе появилась странная, не проходящая тревога. Из

головы не выходил один вопрос: «Зачем большевики вдруг так внезапно вспомнили о нем? Что они задумали? Уж не будут ли они настаивать, чтобы он скрепил своей подписью позорный Брестский договор, в результате которого отдали немцам все западные области, Украину вместе с Киевом, пустили их войска в Ростов и Батуми. Но он лучше даст отрубить свою руку, чем сделает это».

И другая мысль не давала покоя. Алексей после очередного приступа болезни еще не встал на ноги. Мальчика уже две недели мучили нечеловеческие боли. Лежа в постели, он постоянно звал к себе мать. Александра Федоровна не могла видеть страданий сына, считая виновной в них только себя. Ведь это она передала ему страшную наследственную болезнь несворачиваемости крови, от которой умерли ее дед, дядя и два племянника. Все, кто знал ее, удивлялись мужеству, с которым она переносила длившуюся более десяти лет трагедию. Она уже давно выплакала все слезы, но плакать приходилось каждый день снова и снова.

Аликс, как звал жену Государь, была сейчас, конечно же, в комнате Алексея. Он представил ее, изнервничавшуюся, уставшую от непрекращающихся бед у кровати сына, и у него защемило сердце. Словно кто-то невидимым обручем сдавил его и застучал молоточками по поседевшим вискам. Сколько же могут продолжаться эти мучения? Государь поднял голову к небу, по которому неторопливо плыло пушистое белое облачко. Как бы хотелось ему превратиться в него и вот так же спокойно плыть над просторами России. Но Господь определил ему иную участь. И все будет так, как решит только он. Государь повертел в руках коробку с папиросами, сунул ее назад в карман и вернулся в дом. Сняв шинель, он направился в комнату сына, но остановился у двери, услышав громкий, торопливый голос Императрицы.

– Комиссар уверяет, что с Государем не случится ничего дурного, – срывающимся голосом говорила она. – И что если кто-нибудь пожелает его сопровождать, этому не будут противиться. Я не могу отпустить Государя одного. Его хотят, как тогда, разлучить с семьей. Хотят постараться склонить на что-нибудь дурное, внушая беспокойство за жизнь его близких... Это так низко... Я должна быть рядом с ним в этом испытании...

Государыня, стиснув ладони, нервно заходила по комнате. Она до сих пор не пришла в себя после отречения от престола. Ей казалось, что если бы в ту роковую февральскую ночь она была вместе с Императором, он бы никогда не подписал отречение. А это значит, что их судьба и судьба всей России была бы сейчас другой. Государь уже хотел пройти мимо двери, но Аликс, остановившись, заговорила снова:

– Боже мой, какая ужасная пытка! Мальчик еще так болен. Вдруг произойдет осложнение? Первый раз в жизни я не знаю, что мне делать. Каждый раз, как я должна была принять решение, я всегда чувствовала, что оно внушалось мне свыше. А теперь я ничего не чувствую...

Она нервничала и для того, чтобы сбить душивший накал, ей надо было выговориться. Наступила пауза, затем раздался голос дочери Татьяны.

– Но, мама, – она делала ударение на последнем слого, – если папа все-таки придется уехать, нужно, однако, что-нибудь решить!

Снова раздались нервные шаги, потом Императрица сказала:

– Да, так лучше. Я уеду с Государем. Я вверяю вам Алексея.

Дальше слушать терзания жены было невозможно, Государь открыл дверь и оказался на пороге комнаты. Александра Федоровна бросилась к нему и сказала, взяв за руку:

– Это решено. Я поеду с тобой. С нами поедет Мария.

– Хорошо, – сказал Государь, дотронувшись кончиками пальцев другой руки до ее ладони. – Если ты этого хочешь...

Его прикосновение не успокоило жену. Она заплакала, достала из рукава платочек, но не стала промокать бежавшие по щекам слезы, а только махнула рукой и с болью произнесла:

– Господи, когда же это кончится? – Она повернулась к Государю и сказала, захлебываясь слезами: – У меня нет сил, Ники. Я так устала.



У Николая разрывалось сердце при виде плачущей жены. Но что он мог сказать ей в утешение? Что у него тоже нет сил и он, как и она, не знает, когда все это кончится? Нет, он не мог сказать такое ни ей, никому другому. Потому что это означало бы конец жизни для всей семьи. Он сам еще не терял надежды на лучшее. Не может же Господь навсегда оставить их своим покровительством? Ведь весь род Романовых, да и сам Николай столько сделали для возвеличивания России, укрепления народа в православной вере, улучшения его благосостояния. Если бы не революция, договор с Германией подписали не в русском Бресте, а в поверженном Берлине. И Россия снова двинулась бы в путь по дороге процветания, по которой шла все годы его царствования до самого начала этой несчастной войны. Государь поднес руку Императрицы к лицу, осторожно прикоснулся к ней губами и сказал:

– Господь не оставит нас своей милостью, Аликс.

Затем подошел к кровати Алексея и, протянув руку, погладил его по голове. Цесаревич был бледен, черты лица его заострились, в глазах застыли печаль и детская беззащитность. За две недели болезни он сильно похудел, когда Государь брал его на руки, чтобы пересадить в кресло, сын казался ему легче пушинки. Тяжелее всего было переносить его взгляд, в котором отражались боль и нечеловеческие страдания, хотя Алексей и старался скрывать их от кого бы то ни было. Но глаза выдавали. Они были взрослыми, в них можно было прочесть все, что творилось на душе. Тонкая бледная рука Цесаревича лежала поверх одеяла. Николай осторожно присел на краешек кровати, накрыл своей рукой холодную ладонь сына и сказал:

– Сегодня ночью большевики увозят меня в Москву. Мама решила ехать со мной. Ты остаешься с девочками за старшего.

Алексей закрыл глаза, и Государь увидел, как из-под его ресниц покатились слезы. Он любил своего отца и любая разлука с ним, даже тогда, когда он уезжал на фронт, казалась ему мукой.

– Все будет хорошо, – Государь осторожно сжал пальцами ладонь сына. – Как только ты поправишься, приедешь к нам вместе с девочками. Ты уже слышал, что с нами едет только Мария. Кроме того, с тобой остаются Жильяр и Гиббс.

– Я знаю, – сказал Алексей. – Я плачу только потому, что не могу проводить тебя. Иди, папа. – Он тоже делал ударение в этом слове на последнем слоге. – Мне уже лучше, а тебе надо собраться.

Цесаревич уже давно усвоил правила поведения людей своего круга и даже в эту минуту старался казаться мужественным. Государь хорошо понимал это. Он поднялся, несколько мгновений молча постоял у кровати и, не сказав ни слова, вышел.

Через час в губернаторском доме снова появился Яковлев. Государь принял его в кабинете.

– Вы уже решили, кто едет? – спросил Яковлев, остановившись у порога.

– Да, – сказал Государь. – Со мной поедут Александра Федоровна и Мария. Скажите, Василий Васильевич, – Государь впервые обратился к Яковлеву по имени и отчеству, – для чего большевикам потребовалось увозить меня из Тобольска?

Яковлев опустил голову, долго молчал, потом сказал, не поднимая глаз:

– В стране произошли очень большие перемены. Всего, что окружало вас, больше нет. Империя рухнула в прошлое. Вы ее главный символ...

В голове Николая, всю жизнь занимающегося политикой, сразу промелькнуло: «Значит, не Брестский договор. Значит, что-то другое. Но что?» Этот вопрос болью отдавался в висках. Надо было попытаться вытянуть из этого, скупого на слова, но умного и осторожного комиссара, как можно больше.

– Я же добровольно отказался от власти, – Николай сделал вид, что не понял или, занятый мыслями о семье, не обратил внимания на последнюю фразу Яковлева, которую тот про-

износил, понизив голос. – Я сделал это во благо России. Иначе бы пролилась невинная кровь людей. Какой интерес представляю я сейчас для большевиков?

– Вы действительно думаете, что спасли страну от крови? – спросил Яковлев.

– А вы думаете, что она может пролиться? – спросил Николай, на лице которого мелькнуло искреннее недоумение.

Яковлев уже успел убедиться в том, как хорошо умел бывший Император скрывать свои чувства, но сейчас это давалось Николаю с большим трудом. Если в стране прольется кровь, значит, и отречение, и все жертвы, на которые добровольно пошел он сам и обрек на них семью, оказались напрасными. Но что мог сказать ему Яковлев? Люди, которым Император отдал свою власть, не смогли удержать ее. Сейчас она находится совсем в других руках. И пока не ясно, как сумеют распорядиться ею. Одно бесспорно: того, чего хотел добиться Император своим отречением, не произошло. Успокоения страны как не было, так и нет. Но стоит ли говорить ему об этом? Он уже и так прекрасно понял весь трагизм своего положения. Одно не переставало удивлять Яковлева – выдержка Николая. Он ни разу не пожаловался на судьбу, был предельно вежлив со всеми, даже с солдатами, потерявшими всякую совесть и делавшими постоянные пакости. Вспомнить хотя бы, как охрана совсем недавно штыками разворотила снежную горку, с которой катались дети.

Место для горки выбирал Алексей. Он же приспособил для перевозки снега стоявшие во дворе старые сани. Княжны накладывали в них снег, а Государь с Алексеем отвозили его на горку. Сколько радости доставило это детям, сколько смеха было в тот день во дворе. Словно к ним снова вернулась их прежняя счастливая и беззаботная жизнь.

Глядя на то, как увлеченно работают царские дети, подобрела даже охрана. Молодой солдат Дмитрий Лагутин подошел к княжне Марии и, смущенно опустив глаза, сказал:

– Разрешите, я помогу вам.

Он взял из ее рук большую деревянную лопату и начал очищать двор от снега, сгребая его в кучу, откуда его удобнее было нагружать в сани. Мария еще раньше несколько раз заговаривала с этим солдатом, иногда их беседы были довольно долгими, и ей было приятно внимание к себе простого русского человека. В заточении невольно стираются сословные грани и меняется отношение к людям. Но сегодня ей самой хотелось хотя бы немного позаниматься физическим трудом, застоявшаяся энергия требовала выхода. Она с неохотой отдала лопату и теперь стояла около солдата, наблюдая за его работой. Он быстро понял ее состояние и сказал:

– Вы тоже держитесь за черенок, а то мне одному не справиться.

Великая княжна взялась за черенок лопаты, рядом с ее ладонью в мягкой варежке черенок обхватил своей сильной ладонью Лагутин, и они, прижимаясь плечами друг к другу, начали толкать снег к куче. Ольга и Татьяна многозначительно переглянулись, а Государь, увидев эту сценку, притаенно улыбнулся в густые усы.

Горка получилась отменной. Дети были просто счастливы, оттого что почти целый день удалось провести на свежем морозном воздухе. У княжон разругались щеки. Ольга с Татьяной и Алексеем начали играть в снежки, Анастасия стала обсуждать с отцом, как полить горку, чтобы с нее можно было кататься, Мария же осталась в стороне. Она стояла посреди белоснежного, прибранного двора в короткой дошке и маленькой меховой шапочке, худенькая, с красивыми, голубыми, как у отца, глазами и счастливым взглядом смотрела на только что выполненную работу. Все, кто знал царских дочерей, в один голос говорили, что они походили на ангелов. Но, соглашаясь с этим, Лагутин все же считал, что самым красивым из всех ангелов была Мария.

– Скажите, Мария Николаевна, – задыхаясь от распиравших чувств, спросил он, – а у себя в Царском Селе вы когда-нибудь строили такие горки?

В глазах Марии блеснули маленькие голубые звездочки, она рассмеялась звонким серебряным голосом и сказала:

– Конечно, строили. И на санках катались. – Но мимолетная радость тут же слетела с ее лица и она добавила: – Но это было до войны. Когда началась война, папа не помогал нам. Он почти все время проводил в Ставке.

– А мы у себя в деревне горок не строили, – вздохнув, сказал Лагутин. – Мы на санях с яра катались. У нас деревня на берегу реки, берег такой крутой, что когда летишь вниз, дух захватывает и ветер слезу вышибает.

– Соскучились по дому? – спросила Мария.

– Очень, – откровенно признался Лагутин.

– Ну, вот закончите нас караулить и поедете домой, – сказала Мария, взгляд которой потемнел, а с лица окончательно сошла короткая радость.

– Здесь ведь солдату заняться нечем, – ковырнув снег носком сапога, произнес Лагутин. – В карты играть надоело, от семечек уже язык болит. Одна отрада – на вас посмотреть, когда вы во двор гулять выходите.

– Что же такого вы в нас видите? – спросила Мария. – Мы ведь такие же, как все.

– Ну что вы? – смутился Лагутин. – У вас и игры совсем другие, и разговоры ведете не такие, как у нас. Вы и слова произносите, каких мы не знаем. Вроде и русские слова, а мы ими не пользуемся.

– Это потому, что вы в школу не ходили.

– Да когда же нам ходить? – удивился Лагутин. – Я сызмальства летом на пашне работал, зимой со скотиной вместе с отцом управлялся.

– И все равно в школе надо было учиться, – сказала Мария.

– Надо, – согласился Лагутин. – Вернусь домой, обязательно грамоту выучу.

Разговор мог продолжаться еще долго, но в это время Мария почувствовала, как кто-то шлепнул ее по спине. Это Анастасия, скатав снежок, бросила его в сестру. Мария от неожиданности вздрогнула, что вызвало смех Ольги и Татьяны. Девушки начали играть в снежки. Лагутин собрал лопаты и аккуратно прислонил их к стене дома. Стоявший рядом солдат охраны неодобрительно посмотрел на него и процедил сквозь зубы:

– Выслужиться хотел?

– Не твое дело, – сказал Лагутин и отошел в сторону.

После обеда в комнате княжон сестры начали обсуждать «роман» Марии. Никогда не упускавшая случая подшутить над кем угодно Анастасия, скорчив физиономию и толкая плечом Татьяну, сказала, нарочно коверкая слова:

– Разрешите, милая барышня, помочь вам. Вы так устали.

Татьяна не устояла от толчка, покачнулась и задела Ольгу. Девушки рассмеялись.

– Вечно ты всех дразнишь, – обиделась Мария. – Он очень даже хороший, этот солдат. Мне кажется, он способен по-настоящему полюбить благородную девушку.

– Ага, – воскликнула Анастасия. – Ты уже влюбилась. Признайся, душка, это ведь так?

– Ты лучше Ольгу спроси, почему она за румынского принца не вышла, – сказала Мария.

– А правда, почему? – Анастасия, сразу сделавшись серьезной, вопросительно посмотрела на Ольгу. – Если бы вышла, мы могли бы сейчас быть у тебя.

– Ах, девочки, – сказала Ольга, зардевшись, – разве может кто-нибудь из нас знать, где найдет свое счастье? Да и суждено ли нам его увидеть?

Взгляд Ольги затуманился, она повернулась и уставилась в окно, сквозь которое виднелся забор и кусочек заснеженной улицы.

Перед самой войной, когда вся семья отдыхала в Крыму, по приглашению румынского короля они совершили путешествие в Констанцу. Из Ялты в Румынию плыли на императорской яхте «Штандарт». Девушкам путешествие запомнилось тем, что была замечательная погода, на всем Черном море стоял полный штиль.

Из Ялты вышли вечером. Город еще не успел скрыться из виду, как на море опустилась теплая южная ночь. Княжны находились на палубе и любовались таявшими у горизонта огнями Ялты и необыкновенно яркими звездами, рассыпавшимися по всему небу. Казалось, что они были совсем не такими, как в Ливадии. Их отражения скользили по воде, оставляя на покатых волнах светящиеся дорожки.

В семье пронесся слух, что едут они в Румынию не для того, чтобы отдать визит вежливости королю, а на обручение Ольги с принцем Карлом. Но Ольга ни разу не говорила об этом с сестрами, и сейчас они сгорали от нетерпения узнать наконец-то правду. Девушки сидели в плетеных креслах, расставленных на палубе полукругом. Ольга задумчиво смотрела на море и отражающиеся в нем звезды, Татьяна и Мария молчали, не решаясь задать не дающий покоя вопрос. Не находила себе места только маленькая и юркая, как юла, Анастасия. Взобравшись в кресло, она поболтала ногами, потом спросила, повернувшись к Ольге:

– Скажи, душка, ты останешься с принцем в Румынии или вернешься с нами домой?

Ольга вспыхнула, хотела ответить резкостью, но смягчилась и произнесла уже совсем спокойно:

– Папа мне обещал, что если я этого не захочу, он не будет принуждать меня выходить замуж.

– Но ты же будешь иметь возможность возвращаться к нам, когда тебе будет угодно, – сказала Татьяна.

– Ах, Таня! Разве ты не знаешь, что, несмотря ни на что, я буду чужой в Румынии. Я русская и хочу остаться в России.

– А я бы вышла за принца, – сказала Анастасия. – И через несколько лет стала королевой.

– Тебе еще рано об этом думать, – ответила Ольга. – Вот подрастешь, и папа решит за кого тебе выходить.

– Ничего не рано, я уже сейчас об этом думаю, – с ноткой обиды сказала Анастасия.

Сестры рассмеялись.

На причале в Констанце царскую семью встречал весь королевский двор. Стоявшие на рейде суда были расцвечены флагами. Рота почетного караула со знаменем и музыкой отдавала воинские почести, гремел артиллерийский салют. Сопровождению Российского Императора представили короля и королеву, принцев и принцесс. По королю и королеве великие княжны скользнули лишь мимолетным взглядом. Но зато просто впились глазами в принца Карла, откровенно и без всякого стеснения рассматривая его. Особенно вызывая это делала Анастасия. Карл был высоким, стройным и очень красивым в расшитом золотом мундире. Это отметила про себя даже Ольга.

После церемониала представления обе царствующие семьи вместе с сопровождением отправились в православный собор, где был отслужен благодарственный молебен. Его служил епископ Нижнедунайский, но великие княжны слушали не то, что говорил епископ, а наслаждались пением великолепного церковного хора. Православное пение всегда трогает душу, слушая его, сам поднимаешься в поднебесье.

А потом был обед в летней резиденции румынского короля. Она была построена в самом конце мола. Обедали на террасе, которая, казалось, парила между небом и морем. Во время обеда, проходившего строго официально, со стороны моря все время доносился крик чаек. Говорили, что королева Елизавета любила в одиночестве сидеть здесь целыми часами и молча слушать море.

Великая княжна Ольга, ради которой было задумано путешествие, скользнув несколько раз взглядом по принцу Карлу, больше не смотрела на него. Он был мил и делал все, чтобы понравиться ей, но не трогал ее сердца. Николай первым понял это и не заводил разговора об обручении. А королевская чета не посмела начать его первой.

Во время прощального ужина, состоявшегося поздно вечером в этот же день, Император Николай II сидел рядом с королевой Елизаветой, король Карл – с Императрицей Александрой Федоровной, а великая княжна Ольга – рядом с принцем Карлом. Принц, не пытавшийся скрыть своих симпатий, все время старался завязать разговор, Ольга вежливо отвечала на все его вопросы, а остальные великие княжны смеющимися глазами поглядывали друг на друга. Сразу после ужина яхта «Штандарт» взяла курс на Одессу. Помолвка не состоялась. Уже на палубе яхты Ольга подошла к отцу, взяла его за руку и сказала:

– Папа, я благодарна тебе, что ты оставил решение за мной. В Румынии я не была бы счастлива.

Государь посмотрел на нее ласковыми глазами и улыбнулся. Эту улыбку она помнила и сейчас. Путешествие в Констанцу было последним, в котором побывали великие княжны. Через полтора месяца после возвращения из Румынии началась мировая война. А потом – отречение Государя, арест всей семьи и заключение позорного Брестского мира, по которому Германии отошла половина европейской территории России и треть населявшего страну народа. Сейчас и поездка в Констанцу, и вся довоенная жизнь казались сестрам волшебной сказкой. Словно бы все, что происходило раньше, было не с ними. Остался вот этот небольшой двухэтажный дом с высокой оградой, полной вооруженных солдат, следящих за каждым их шагом. И снежная горка, которую они построили с отцом и маленьким братом.

В начале марта горку разрушила охрана. Это были уже не те солдаты, которые приехали из Петрограда в Тобольск вместе с царской семьей. Многие из тех, кого набирал в отряд особого назначения полковник Кобылинский, демобилизовались и разъехались по своим домам. Многие стали заодно с большевиками. Особенно старался досадить председатель солдатского комитета Матвеев.

Лопаты ледяную горку не брали, ее ломали примкнутыми к винтовкам штыками. Солдаты работали с ожесточением, пыхтя и утирая рукавами суконных шинелей пот с раскрасневшихся лиц. Лагутин угрюмо и молча наблюдал за всем этим, прислонившись плечом к углу дома. Когда горка была разворочена, он ожесточенно плюнул и пошел к Кобылинскому.

– Евгений Степанович, зачем же вы допустили это? – с горечью спросил он. – Ведь горка – их единственная отрада.

– К сожалению, голубчик, я здесь распоряжаюсь уже далеко не всем, – опустил голову, глухо произнес Кобылинский. – Моя задача не допустить большего.

Кобылинский замолчал и отвернулся, но Лагутин понял, что имел в виду полковник. Несколько дней назад из Екатеринбурга в Тобольск прибыл комиссар уральских чекистов Заславский. И тут же потребовал от Кобылинского перевести царскую семью в тюрьму.

Заславский был в помятом пиджаке, широкие черные усы и неопрятные волосы делали его похожим на мастерового. Но потом до Кобылинского дошло, что так он воспринимает всех гражданских людей, пытавшихся в последнее время оказать хоть какое-то влияние на его отряд. Кобылинский внимательно посмотрел на Заславского и вдруг неожиданно для самого себя спросил:

– Вы, по всей видимости, не спали?

– Какое там спать, – пожав плечами, откровенно сказал Заславский. – Вы даже не представляете, сколько у нас сейчас дел. Старой власти нет, новая утвердилась еще не везде. Нужно разъяснять людям нашу политику. Агитаторов не хватает. И везде враги, враги... Не пошлешь же вас агитировать за нас? – Заславский вопросительно посмотрел на полковника, словно ожидая согласия. Тот промолчал. – Кстати, – продолжил Заславский, – вам тоже нужно определяться со своими политическими взглядами. И чем быстрее, тем лучше. Ведь можно и опоздать... – Последние слова Заславский произнес с особой многозначительностью.

– Я выполняю распоряжение правительства, – глухо сказал Кобылинский.

– Которого уже нет? – спросил Заславский.



– О другом я пока не знаю, – ответил Кобылинский. – И потом, почему вас так заботит судьба бывшего Императора? Он всего лишь частное лицо и, насколько я знаю, не имеет никаких намерений претендовать на власть.

– И вы говорите это серьезно? – не скрывая иронии, спросил Заславский. – Николай II – и частное лицо? Он – символ императорской России. А империи, как вы знаете, больше нет.

– Ну и что? – Кобылинский даже напрягся, задавая этот вопрос. Он вдруг понял, каким страшным может прозвучать ответ.

– Это я должен спросить у вас: «Ну и что?» – ответил Заславский.

– Я не политик, – сказал Кобылинский. – Политика – не моя область.

– Тогда почему вы построили горку, посредством которой царская семья общается с гражданскими лицами?

– Каким образом общается? – не понял Кобылинский.

– Как это, каким? – удивился Заславский. – Поднявшись на горку, они видят всех, кто проходит по улице. И с помощью знаков общаются с теми, кто им нужен. Мне говорили об этом солдаты вашей охраны.

Кобылинский обладал большой выдержкой, но сейчас ему стоило немалого труда сдержаться. Он только сузил глаза и напряг желваки на скулах. Заславский заметил это и, поднявшись, сказал:

– Горку уничтожьте немедленно. Я скажу Хохрякову, чтобы Тобольский совет сегодня же принял решение об этом.

Заславский вышел, а полковник еще долго смотрел на дверь, за которой он скрылся. Он был для Кобылинского первым официальным представителем новой власти, прибывшим в Тобольск из центра. До этого о ней приходилось лишь слышать, а сегодня встретиться с глазу на глаз. Заславский говорил откровенно, без дипломатии, не скрывая своих намерений. Вне всякого сомнения, он был убежденным человеком. А убеждения, как известно, чаще всего бывают выше морали.

Горку пришлось снести, но вместо Заславского в Тобольск с новым отрядом прибыл Яковлев. Он сразу явился к Кобылинскому, коротко поздоровался и протянул мандат, подписанный председателем ВЦИК Свердловым и председателем Совнаркома Лениным. В мандате говорилось, что все полномочия по охране семьи передаются Яковлеву. Лица, отказавшиеся выполнять его распоряжения, должны быть подвергнуты самому суровому наказанию.

– Что я должен делать? – спросил Кобылинский, прочитав документ. В его глазах мелькнула нескрываемая растерянность.

– Пока то же самое, чем занимались до этого, – спокойно сказал Яковлев. – Я буду знакомиться, не торопясь. Вечером вы представите меня своей команде.

Во внешнем виде Яковлева было что-то такое, что невольно заставляло его уважать. В отличие от неопрятного Заславского он был в безукоризненном черном костюме, белой рубашке и модном галстуке. Его лицо, обрамленное короткой бородкой клинышком с небольшими острыми усами, выглядело интеллигентным. У него были безупречные манеры. Единственное, что насторожило Кобылинского, – взгляд Яковлева. Холодный и твердый. Таким взглядом мог обладать только человек очень сильной воли. Вопрос заключался в том, на что она будет направлена. На следующий день в одиннадцать часов утра Яковлев появился в губернаторском доме. Он неторопливо обошел все помещения нижнего этажа, затем поднялся к Государю, протянул ему руку и сказал, вежливо поклонившись:

– Я – комиссар Яковлев.

Государь уже знал о его прибытии. Охрана разнесла эту весть по дому еще вчера. Прибытие комиссара из Москвы было главной новостью за вечерним чаем. Больше всех ей была обеспокоена Императрица.

– У меня такое чувство, что мы всеми забыты, – говорила Александра Федоровна, и ее губы дрожали. – Неужели возможно, чтобы никто не сделал попытки спасти нас? Где же, наконец, те, которые остались верными Государю? Зачем они медлят? – Она достала платок, промокнула глаза и спросила, всхлипнув: – Как же могло случиться, что мы оказались во власти одного этого человека?

– Но, мама, – попыталась успокоить ее Татьяна, – пока ничего страшного не случилось. Бог не оставит нас своим покровительством.

– Одна надежда на Бога, – сказала Александра Федоровна, поднялась из-за стола и ушла в свою комнату.

И вот Яковлев появился в доме. Произнеся всего одну фразу, он замолчал, рассматривая Николая. Государь тоже внимательно смотрел на него, ожидая продолжения разговора. Первое впечатление от комиссара было положительным. Он казался воспитанным человеком.

– Мы не могли бы повидаться с Алексеем Николаевичем? – спросил Яковлев.

– Но он болен, – возразил Государь.

– Мне говорили об этом, – сказал Яковлев.

– Хорошо, пройдемте. – Государь указал рукой на дверь комнаты, в которой находился сын, открыл ее.

Алексей лежал в постели, вытянув обе руки поверх одеяла. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: мальчик серьезно болен. Увидев незнакомого человека, он попытался подняться на подушке и непроизвольно застонал.

– Давно это у вас? – спросил Яковлев.

– Две недели, – ответил Алексей. – Но мне уже лучше.

Его глаза заблестели, а на бледном, измученном лице появилось подобие улыбки. У Яковлева невольно сжалось сердце. Вид больного ребенка, пытавшегося храбриться перед незнакомым человеком, был невыносим. Яковлев знал, что Алексей мучается гемофилией с раннего детства, интересовался этой болезнью перед тем, как отправиться из Москвы. Гемофилия неизлечима, ее приступы вызывают чудовищную боль. Как же он живет с этим столько лет, подумал Яковлев и спросил:

– Вам нужна какая-нибудь медицинская помощь?

– Спасибо, – ответил Алексей. – Доктор хорошо заботится обо мне.

Николай II все это время молча стоял около Яковлева. Его сердце уже давно было исколотосовано рубцами из-за болезни сына. Каждый новый приступ оставлял на нем свой незаживающий шрам. Когда впервые проявилась болезнь и был установлен ее диагноз, Государь обратился к лучшим докторам России и Европы. Все они пытались лечить мальчика, но болезнь возвращалась снова и снова. Единственным, кто облегчал его страдания в эти минуты, был Григорий Распутин. Государь никогда не любил этого мужика, понимая, что каждый его приход во дворец вызывает лютую зависть и двора, и министров, и всего высшего российского общества. Посещения Распутина порождали много нелепых вымыслов и сплетен и ему постоянно докладывали об этом. Но кто мог заменить его во время болезни сына?

Распутин, по всей видимости, обладал сильным гипнозом. От его молитв Алексей быстро засыпал, и это восстанавливало силы. Если бы этим качеством обладали медицинские светила, он бы никогда не допустил Распутина до ограды своего дворца. Странно, но, увидев больного Алексея, именно об этом подумал и Яковлев. Выйдя из комнаты Наследника, Яковлев спросил:

– Могу я увидеть Александру Федоровну?

– Она еще не готова, – ответил Государь.

– Хорошо, тогда я зайду позже, – сказал Яковлев, откланявшись. Государь проводил его взглядом, все время думая о том, какие перемены привез с собой новый комиссар. В том, что они должны случиться, и очень скоро, он не сомневался. Из Москвы без поручения в такую даль человек приехать не может.

Во второй половине дня Яковлев появился в губернаторском доме вместе с председателем солдатского комитета Павлом Матвеевым. Комитет в отряде особого назначения был создан в конце января, сразу после того, как Матвеев съездил из Тобольска в Петроград, чтобы выяснить всю правду о состоявшейся пролетарской революции и разгоне Учредительного собрания, которое должно было выработать Конституцию и решить участь царя. Он хотел встретиться в Смольном с Лениным или Свердловым, но ввиду их крайней занятости сделать этого не удалось. Состоялась встреча с Урицким и Радеком, которые сказали, что Свердлов недавно говорил с ними о царской семье. Пока пусть все остается так, как есть. Единственное, что надо сделать – перевести питание семьи на солдатский рацион. А то они, поди, и там живут по-царски. В Тобольск обязательно приедет комиссар советского правительства с особыми полномочиями. В его бумагах будет сказано, как дальше обращаться с бывшим царем и его семьей...

Яковлев вместе с Матвеевым снова прошли в комнату Нас-ледника. Алексей все так же лежал в постели. Его лицо показалось Яковлеву еще более бледным и осунувшимся. Алексей снова попытался приподняться на подушке, но Яковлев жестом остановил его.

– Лежите, Алексей Николаевич, – мягко сказал он. – Я пришел узнать, не требуется ли вам чего-нибудь.

– Спасибо, – ответил Алексей, опустив ресницы. – Сейчас придет мама, больше мне ничего не надо.

В гостиной Яковлева с Матвеевым ждала встревоженная царская чета. Яковлев представился Государыне, спросил, есть ли у нее какие-нибудь просьбы к нему как представителю центральной власти.

Государыня внимательно посмотрела на него, потом, поблагодарив, вежливо ответила, что они ни в чем не нуждаются. Яковлев откланялся, но когда он направился к двери, Государыня остановила его:

– Вы ничего не хотите нам сказать? – спросила она. В ее голосе слышалась нескрываемая тревога.

– Нет, – пожал плечами Яковлев и вышел из гостиной.

– Мне он не нравится, – сказала Государыня Николаю, как только Яковлев скрылся за дверью. – Они что-то затевают, я это чувствую.

– Когда-то все должно разрешиться, – ответил Николай. – Неопределенность не может быть бесконечна.

Он устал от губернаторского дома, от вездесущей охраны, от отсутствия какого-либо общения с внешним миром и людьми своего круга. Он устал от заключения и уже сам желал развязки. Она не казалась ему страшной потому, что Государь не чувствовал за собой никакой вины. Его совесть перед страной и народом была чиста. Он был убежден, что если бы не случилось революции, Россия бы уже торжествовала победу над Германией. Дети же вообще не имели никакого отношения к событиям в стране. Они не занимались политикой и государственными делами, они росли и радовались жизни. Исключение составлял Алексей, которого болезнь сделала несчастным.

А на следующий день Яковлев заявил Государю, что должен увезти его в Москву. Государь резко бросил: «Я никуда не поеду», – и ушел в свою комнату. Яковлев впервые увидел раздражение на лице Николая. Но будучи хорошим психологом, он выждал еще один день и снова пришел к Государю:

– Вы ставите меня в очень неудобное положение. Если вы отказываетесь ехать, то я должен или воспользоваться силой, или отказаться от возложенного на меня поручения. Тогда вместо меня могут прислать другого, менее гуманного человека. Мне бы не хотелось, чтобы вы столкнулись с этим. – Яковлев сделал паузу и добавил: – Выезд назначен на завтра, на четыре утра.

Поклонившись Государю, Яковлев вышел.

И вот теперь он снова поднялся в эту комнату, но уже затем, чтобы навсегда увезти отсюда царскую чету и их дочь Марию. Подводы, на которых предстояло ехать, стояли во дворе. В эту ночь в доме никто не спал, и все сразу встревожились, услышав скрип отворяемых ворот и стук копыт лошадей по мерзлой земле. Татьяна выглянула в окно, обернулась к родителям и растерянно сказала:

– Приехали.

Все встали. В прихожей уже собралась прислуга. С появлением Яковлева началось прощание. Государь поцеловал всех мужчин, Государыня – женщин. Татьяна подошла к отцу и прижалась заплаканным лицом к его груди. Он поцеловал ее в голову и сказал:

– С нами Бог.

Затем поцеловал остальных дочерей и сидевшего в коляске Алексея. Увидев, что царь надевает на себя шинель, Яковлев спросил:

– Вы собираетесь ехать только в ней?

– Я всегда езжу в шинели, – ответил Николай.

– Я думаю, этого мало, – сказал Яковлев и попросил царского камердинера Чемодурова принести что-нибудь еще.

Чемодуров вышел из комнаты и вскоре вернулся с плащом в руках.

– Спасибо, Терентий Иванович, – сказал Николай, направляясь вслед за Яковлевым к выходу.

Кавалькада, отправлявшаяся в Тюмень, состояла из двадцати повозок. И только на одной из них стояла кибитка. Дочери вышли провожать Государя и Императрицу на крыльцо. Алексея вынесли вместе с коляской. Небо начало сереть, звезды блекнуть и таять. На улице было свежо, но отъезжавшие не замечали этого. Когда пришла минута последнего прощания, дочери снова громко заплакали. Императрица тоже разрыдалась. Государь сдерживал себя, но на его глаза навернулись слезы. Он перекрестил детей, потом по очереди обнял и поцеловал их.

Государыню с Марией усадили в кибитку, Николай, поправив шинель, сел в открытую повозку. Яковлев сунул под сиденье плащ, который передал Чемодуров, и сел рядом. Через повозку от них сели доктор Боткин, одетый в черное пальто и черный котелок, и слуга Трупп. Еще дальше – горничная Демидова и повар Харитонов. Процессия тронулась, повозки зашкрипели, колеса застучали по мерзлой земле. Государь повернулся к стоявшим на крыльце детям, стиснул зубы так, что на похудевшем лице выступили желваки. У него возникло чувство, что он прощается с ними навсегда. Яковлев, заметив это, отвернулся, чтобы не видеть, как по лицу царя катятся слезы.

Иртыш уже вздулся, между берегом и льдом появились разводья стремительно катившейся воды. Солдаты охраны перебросили с берега на лед толстые плахи, повозки одна за другой осторожно перебрались по ним через промоины. Кавалькада растянулась более чем на четверть версты. Николай II и Александра Федоровна ехали в середине процессии, на передней и последней телегах стояли пулеметы, а между ними и царскими повозками находилась вооруженная винтовками охрана. Солдат в общей сложности было около сотни.

Переехав Иртыш, Государь оглянулся. С дороги видна была только крыша губернаторского дома, в котором остались дети. Над домом возвышался крутой берег Иртыша, который, словно корона, венчал Тобольский кремль с куполами многочисленных храмов. Утренняя заря освещала их, и купола отливали кровавым блеском. Глядя на храмы, Государь перекрестился и молча уставился на дорогу.

Яковлев тоже посмотрел на кремль и тоже перекрестился, только не открыто, как царь, а мысленно, боясь, чтобы это не увидела его охрана. Операция, которую он задумал, начиналась благополучно.

## Глава 2

Василий Васильевич Яковлев даже в самом волшебном сне не мог представить, что судьба когда-нибудь сведет его с судьбой последнего Российского Императора. Родившийся в глухой оренбургской деревушке, он с одиннадцати лет пошел на работу. Сначала был рассылным мальчиком в магазине, затем учеником сапожника и, наконец, слесарем железнодорожных мастерских в Уфе. В 1905 году в возрасте девятнадцати лет примкнул к революционерам. Марксистских книг не читал, из тех, что попадали в руки, самой революционной считал повесть Пушкина «Дубровский». Больше всего ему в ней нравилось то, что молодой, красивый и отчаянно храбрый бывший помещик Дубровский возглавил шайку разбойников.

Вместе с небольшой группой таких же, как он, молодых людей Яковлеву поручили охранять от нападений жандармов тайные собрания и нелегальные квартиры подпольщиков. Во время одного из таких собраний, проходившего в железнодорожных мастерских, туда внезапно нагрянули жандармы. Собрание было в самом разгаре, на нем выступал приехавший из Екатеринбурга большевик Шая Голощекин. По всей видимости, кто-то из железнодорожников, узнав о собрании, предупредил охранку. Надо было спасать Голощекина от неминуемой каторги, но бежать ему было некуда. Яковлев, стоявший за углом мастерских и первым увидевший приближающихся жандармов, послал товарища предупредить Шаю, а сам достал из-за пазухи бомбу. Когда жандармы подошли ближе, Яковлев из-за угла метнул ее в них. Бомба, ударившись о землю, взорвалась, он увидел, как одного жандарма оторвало от дорожки, он перевернулся и, раскинув руки, упал на сразу почерневший от взрыва снег. Остальные жандармы сначала тоже попадали на землю, потом вскочили и побежали назад, к воротам мастерских. Но вскоре остановились, вернулись за тем, что остался во дворе, быстро нашли где-то извозчика и, погрузив раненого, повезли его в больницу. Голощекину тем временем удалось скрыться.

На следующий день Яковлев прочитал в местных газетах, что жандарм умер. У него осталось шестеро малолетних детей, которых управление жандармерии решило взять на содержание. Жандарма хоронил весь город, пришел на похороны и Яковлев. Ему было интересно послушать, что говорят люди. Уфимцы осуждали убийцу, но он не чувствовал угрызений совести. Он выполнил революционное задание, спас агитатора. Подпольщики похвалили его за решительность, а Шая Голощекин предложил включить Яковлева в группу по экспроприации ценностей буржуазии. Первой экспроприацией, в которой участвовал Яковлев, было ограбление почтового поезда на станции Воронки. Спрятавшись за вагонами состава, стоявшего на соседнем пути, они ждали, когда поезд тронется. Едва он начал набирать скорость, боевики бросились к подножкам почтового вагона, открыли ключом дверь и, оказавшись внутри, сразу открыли огонь из револьверов по ничего не подозревавшей охране. Застрелить пришлось четырех человек, зато было взято двадцать пять тысяч рублей. Из вагона боевики выскочили за семафором. На всю операцию ушло всего несколько минут. Ограбление обнаружили на соседней станции, но боевики в это время были уже далеко от железной дороги.

Первая операция стала для Яковлева большим эмоциональным потрясением. У него бешено стучало сердце, порой ему казалось, что еще немного, и оно выскочит из горла. Он тоже стрелял в одного из охранников, причем, как его учили, целился прямо в голову. Охранник после выстрела упал грудью на стол, безвольно опустил руки, и Яковлев увидел, как стали намокать и темнеть его длинные седые волосы, а кровь потекла по столешнице и закапала на пол.

Остальных пристрелили товарищи. Деньги были в ящике под замком. Ключ от ящика нашли в кармане у одного из охранников. Пачки купюр сбросали в мешок и тут же кинулись к выходу. Прежде чем с подножки спрыгнул последний боевик, дверь вагона снова закрыли на ключ. Все действия были настолько молниеносными, что Яковлев не успел испытать страха.



Страх пришел уже после того, когда они заскочили в телеги, поджидавшие их недалеко от железнодорожного полотна. Думали, что жандармерия тут же, по горячим следам, организует погоню. Но пока жандармы разобрались с тем, что произошло в вагоне, пока составили протокол осмотра и допросили паровозную бригаду, наступила ночь. Розыск грабителей отложили до утра следующего дня. Тем временем боевики добрались до Уфы и разошлись по домам.

Яковлеву страшно хотелось поделиться с кем-то из близких знакомых подробностями нападения, но рядом не было никого, кому он бы мог доверить такую тайну. Он снова и снова мысленно представлял всю картину ограбления, испытывая почти те же безумно острые чувства, какие охватили его в вагоне. Перед глазами вставали охранники, звучали выстрелы, кровь на столе и полу вагона и деньги в почтовом сундуке. Столько купюр он не видел ни разу в жизни. Одному человеку на них можно было прожить много лет, но деньги пошли на подготовку революции. На закупку оружия, на содержание тех, кто перешел на нелегальное положение, на помощь оказавшимся в тюрьме и эмиграции. Потом было много куда более дерзких ограблений, иногда захватывались совершенно фантастические суммы, но это, первое, осталось в памяти на всю жизнь.

Хотя были в памяти и другие. В 1907 году у самарских артельщиков было экспроприровано двести тысяч рублей, перестрелка с охраной и жандармами длилась несколько часов, двое боевиков были убиты, но Яковлев ушел и унес с собой деньги. Со стороны жандармов и артельщиков потери убитыми составили восемнадцать человек.

Особенно дерзким было нападение на почтовое отделение станции Миасс два года спустя. К этому времени Яковлев стал уже руководителем группы боевиков и операцию по ограблению разрабатывал сам.

Сначала в почтовое отделение бросили бомбу. Почтовый служащий, почтальон и полицейский стрелочник были ранены и не смогли оказать никакого сопротивления. Пока одна группа забирала деньги из сундука, другая напала на станционную кассу. Для этого пришлось убить четырех охранников. После этого боевики, выгнав из кабины на железнодорожное полотно паровозную бригаду, отцепили от поезда паровоз с одним вагоном и помчались по железной дороге в сторону Златоуста. А чтобы между станциями не было никакой связи, перед уходом разбили телеграфные аппараты. На середине пути остановили паровоз и сошли с него. Паровоз же вместе с вагоном обратным ходом направили в Миасс. На разъезде Тургояк дежурный стрелочник во избежание аварии направил его в тупик, и паровоз вместе с вагоном слетели под откос. Всего тогда захватили девятью пять тысяч рублей. Эти деньги были направлены Максиму Горькому на Капри для поддержки работавшей там партийной школы.

Охранка установила состав группы и ее руководителя. Во избежание ареста Яковлев направился к Горькому. Италия, да и маленький остров Капри ему понравились. Здесь был другой мир со спокойной и размеренной жизнью, совсем не похожей на то, что происходило в России. Жизнь на острове походила на сказку. Ни днем ни ночью не возникало чувства опасности. В Уфе каждый шорох за окнами заставлял вскакивать с постели в холодном поту и машинально нашаривать рукой револьвер, предусмотрительно положенный под подушку. А здесь даже в сильную грозу, когда потоки воды обрушивались на крышу, а небо с треском разрывали слепящие молнии, он спал как убитый.

Просыпался поздно, когда с моря возвращались с ночным уловом рыбаки. В окно было видно, как они, громко разговаривая, несли на плечах корзины, полные сардин, а иногда и огромных тунцов. После завтрака – небольшая прогулка к морю или, как говорили боевики, зарядка озоном перед занятиями. Школа была небольшой. В то время, когда на Капри приехал Яковлев, в ней, кроме него, находилось семь человек. Все они были опытными экспроприаторами. Один почти земляк, с Урала, двое из Москвы, двое из Одессы, один из Киева. Занятия проводил Максим Горький и профессиональные революционеры. Горький обычно расспрашивал боевиков о деталях их нападений, о том, сколько и каким образом было убито людей,

сколько захвачено денег. Иногда он сам рассказывал какие-нибудь истории или читал свои повести и рассказы. Из всего прочитанного в память Яковлева больше всего врезалась повесть «Трое».

Эмигранты-революционеры разясняли теорию классового общества и классовой борьбы. Объясняли, что такое марксизм и прибавочная стоимость, каким образом буржуазия наживает свое богатство. Из всех эмигрантов, выступавших в партийной школе на Капри, Яковлеву больше всего запомнились двое. Первым был Леонид Борисович Красин. Молодой, ухоженный, с черными вьющимися волосами. Он представился как инженер, но боевики сразу же окрестили его профессором. У Красина были смеющиеся глаза, с его полных губ никогда не сходила улыбка. Он рассказывал о том, как нужно изготавливать бомбы.

Красин не только просто и доходчиво объяснил как снаряжается бомба, но и рассказал, почему она иногда срабатывает с запозданием или не срабатывает вообще. Там, на Капри, Яковлев и узнал, что бомбу для террориста Каляева, которой был убит генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович, изготовил Красин. Именно он разработал технологию и организовал производство бомб для проведения экспроприаций и террористических актов.

Вторым революционером, запомнившимся на Капри, был Ленин, приезжавший в гости к Горькому, а заодно и для того, чтобы выступить в партийной школе. Ленин был небольшого роста, широкоплечий, с короткой толстой шеей, круглым красным лицом, высоким лбом и слегка вздернутым носом. Венчик его коротких волос вокруг лысой головы и борода, которую он стриг клинышком, казались рыжеватыми, но когда на него падало солнце, они начинали отливать медным блеском. Движения его были резкими. Неожиданно повернув голову в чью-то сторону, он замирал и несколько мгновений смотрел на человека, словно пытался разгадать, что у того было спрятано на душе. На Капри Ленина больше всего интересовало не то, что расскажет он сам, а то, что услышит от других. Его очень огорчало, что Россия слишком медленно созревала для революции. Он был непримиримым и беспощадным врагом царизма.

Яковлев спросил его, почему же в таком случае большевики заседают в Царской думе, участвуют в обсуждении правительственных проектов и разработке законов?

– А для того и участвуем, чтобы разоблачать буржуазную сущность и правительства, и его законов, – сказал Ленин. – Тем самым мы разясняем трудящимся наши цели и политику большевиков. Легальная работа нам нужна и отказываться от нее мы не намерены ни в коем случае.

Тогда же зашел разговор о церкви, о том, можно ли построить светлое будущее социализма без Бога в душе. Ведь Достоевский еще совсем недавно говорил, что отними у русского человека Бога, и он превратится в зверя.

– Большевикам не нужен Достоевский, – резко и убежденно произнес Ленин. – Вы лучше читайте Алексея Максимовича. Русский человек темен. Мы просветим его, освободим от гнета эксплуататоров, и тогда он сам откажется от Бога. Ведь не зря же Маркс говорил, что религия – это вопль угнетенной твари.

Ленин произвел на Яковлева впечатление фанатически убежденного в своей правоте человека. Его нельзя было сбить с мысли, навязать чье-то мнение, переубедить. Дискуссия ему нужна была лишь для того, чтобы обосновать свою точку зрения как единственно верную. И Яковлеву подумалось, что таким и должен быть, по всей вероятности, настоящий революционер.

С Капри Яковлев вернулся в Россию и, собрав боевую группу, начал готовить захват казначейства в Киеве. Об этой операции они подробно говорили с Красиным. Именно он предложил казначейство как главную цель года. Добыча обещала быть огромной, но операция сорвалась. Столыпин, будучи министром внутренних дел, а потом председателем Совета министров, хорошо наладил работу охраны. Боевики начали нести чувствительные потери. О захвате казначейства охранка была вовремя предупреждена, четверо боевиков из группы погибли, сам

Яковлев еле спасся и транзитом через Петербург, Хельсинки и Стокгольм снова оказался в Италии. На этот раз в Болонской партийной школе.

Именно в Болонье он познакомился с теми, кто подготовил и возглавил Октябрьскую революцию в России. В школе выступали Троцкий, Менжинский, Луначарский, Покровский, Коллонтай, Богданов и многие другие. Но между лидерами партии и слушателями школы возникли серьезные разногласия. Они снова касались отношения к религии.

Лев Давидович Троцкий убеждал слушателей школы в том, что религия – это продукт темноты русского народа. А Яковлев был крещен в православной церкви и помнил, как по праздникам ходил с матерью и бабушкой слушать торжественные богослужения. Церковь казалась ему светлым храмом, в ней хорошо пахло ладаном, иконы сверкали позолотой, а с клироса доносилось такое мелодичное и чистое пение, от которого замирала душа. После богослужения священник угощал прихожан сладкими, как пряники, просфорками, и когда маленькому Васе однажды не досталось угощения, он заплакал. Бабушка долго утешала его, но потом они вместе зашли в лавку, и она купила ему большой медовый пряник.

За границей, в отрыве от родины, все это вспоминалось с особой остротой. Поэтому Яковлев спросил Троцкого:

– А как с песнями? Их тоже надо забыть?

– А что они прославляют? – спросил Лев Давидович и убежденно сказал: – Ту же темноту и забитость народа. Мы сочиним новые, революционные песни. И сказки придумаем новые.

– Но ведь если отобрать у народа его песни и сказки, он и народом быть перестанет, – заметил Яковлев.

– Мы воспитаем из русских другой народ, – сказал Троцкий. – Когда будут уничтожены церковь, дворянство, буржуазия, тогда и народ станет думать по-другому. Бытие определяет сознание, товарищ Яковлев.

Троцкий, блеснув пенсне, засмеялся коротким залившимся смешком, засмеялись и остальные. Яковлев смущенно замолчал, почувствовав, что в такой атмосфере дискуссию продолжать бесполезно. Но песни и сказки, услышанные в раннем детстве и вошедшие в душу вместе с молоком матери, выбросить из сердца было не так-то просто. В минуты печали или безысходного одиночества они вспоминались сами собой, их мелодии и слова начинали звучать независимо от желания. Они снимали боль с сердца, облегчали душу. Нет, не зря люди сочиняют песни и не зря у каждого народа они свои.

В Болонской школе у Яковлева начались первые расхождения с той частью социал-демократии, которая считала Россию никчемной страной и действовала в ней только для того, чтобы приготовить из нее запал для всемирной революции. Иногда он вспоминал убитого им у железнодорожных мастерских жандарма и шестерых его детей, оставленных сиротами. «Захотят ли они поддержать революцию? – думал Яковлев. – Сделает ли она их жизнь без отца более счастливой?» Чувство совершенного греха начинало вызывать в его душе если и не раскаянье, то дискомфорт.

Из Болоньи Яковлев уехал в Бельгию, где устроился на работу на одном из электромеханических заводов. С российскими революционерами поддерживал постоянную связь, но дружил и с местными социал-демократами. Много читал, жадно впитывал европейскую культуру. В совершенстве выучил французский язык, мог свободно объясняться по-английски. Но никогда не отделял себя от России, понимая, что ей более всего нужны образованные люди.

Мировую войну встретил со смешанными чувствами. Она предвещала слом всего европейского мироустройства, но в то же время доставляла много неудобств. Прежде всего потому, что резко сократила возможность общения между российскими эмигрантами. Они оказались в разных странах и для того, чтобы встретиться друг с другом, надо было совершать длительные и дорогостоящие кружные поездки. Легче всего было Ленину и его группе. Они находились

в Швейцарии, сохранявшей нейтралитет, выезд и въезд в нее не создавали проблем. Но за всю войну Яковлеву ни разу не удалось встретиться с Лениным.

Они встретились в октябре семнадцатого в Петрограде на Втором съезде Советов, объявившего о том, что вся власть в стране переходит в руки рабочих, солдат и крестьян. Ленин вышел из зала, в котором уже почти сутки, сменяя друг друга, выступали с разными заявлениями делегаты, и направился в комнату, где для него был приготовлен чай. В последние дни он почти не спал и выглядел уставшим. Он постоянно потирал покрасневшие глаза и часто моргал короткими рыжими ресницами. Яковлев оказался в этой комнате случайно, он зашел туда, чтобы поздороваться с Луначарским. Они не виделись с ним семь лет, с тех самых пор, как Яковлев уехал из Болоньи. Луначарский обрадовался ему, но еще больше обрадовался Ленин.

– А-а-а, вот кого я вижу, – сказал он, переступая порог. – Вы прямо из-за границы? – и протянул Яковлеву руку, словно они расстались с ним только вчера.

– Из-за границы я уже почти два месяца, – ответил Яковлев, удивившись тому, что Ленин так хорошо запомнил его по Капри. – На съезд прибыл полномочным делегатом от уфимской организации.

– Нам очень не хватает таких людей, как вы, – сказал Ленин. – Немедленно включайтесь в работу. – И тут же повернулся к стоявшему рядом с Урицким Подвойскому: – Телеграф на Мойке в наших руках?

– Готовим группу для захвата, – ответил Подвойский.

– Направьте туда товарища Яковлева. Он лучший специалист по захватам. Я это говорю самым серьезным образом.

Так Яковлев сразу оказался в самой гуще революционных событий. Он не только захватил с приданной ему группой телеграф, но и прогнал юнкеров, попытавшихся отбить его у большевиков.

В декабре 1917 года Ленин подписал постановление Сов-наркома о создании ВЧК. В группу по ее организации вместе с Держинским, Ксенофонтовым, Ильиным и Петерсом он включил и Яковлева. А в январе 1918 года Яковлев вопреки своей воле должен был выступить против того, ради чего пошел в революцию. Пятого января открылось заседание Учредительного собрания, которого он ждал с особым нетерпением. Именно оно было главной целью революции. Об этом говорили и большевики сразу после октябрьского переворота. Учредительное собрание должно было разработать и принять Конституцию России, определить ее государственное устройство и общественный строй. Двадцать пятого ноября состоялись выборы, победу в них одержали эсеры. Пятого января лидер эсеров Виктор Михайлович Чернов был избран председателем Учредительного собрания.

С юридической точки зрения сразу же после открытия Учредительного собрания все полномочия от ВЦИКа должны были перейти к нему. Большевики воспротивились этому.

А когда Учредительное собрание не утвердило их декреты, Ленин распорядился разогнать его. Электрический свет в Таврическом дворце он поручил отключить Яковлеву. У Ленина была великолепная память, он хорошо помнил о том, что в Бельгии Яковлев работал электриком. Яковлев выполнил поручение, но все, к чему он стремился в революции, для него рухнуло.

Он не покидал Петрограда, наблюдая за развитием событий. Как вести себя дальше, к какому берегу примкнуть, Яковлев еще не решил. Но то, что делали большевики, начало вызывать страх. Все оппозиционные газеты были закрыты на второй день после октябрьского переворота. Отпечатанные тиражи сжигались во дворах типографий. Были запрещены митинги и собрания несогласных. После создания ВЧК начались аресты и первые, пока еще тайные, расстрелы. Разгон Учредительного собрания означал окончательный захват власти в стране одной партией. Ни о какой демократии, и тем более, о правах человека в России, уже не могло быть речи. Он думал, что после революции жизнь народа будет определять избранное наро-

дом Учредительное собрание, а его делегатов выгнали из Таврического дворца как надоевших бродяг.

В конце марта, вскоре после переезда советского правительства из Петрограда в Москву, Яковлева вызвали в Кремль на совещание, которое проводил Троцкий. Кроме Троцкого на нем присутствовали Луначарский, Менжинский, Познер, Лашевич, Урицкий, Каменев, Зиновьев, Бонч-Бруевич, Крыленко и еще несколько человек. Яковлев удивился, потому что не ожидал увидеть себя в такой компании. Здесь были все руководители большевиков за исключением Ленина и Свердлова. Яковлев сел за стол, раздражаемый любопытством. Ему хотелось знать, для чего он потребовался этим людям. Его уже давно никуда не вызывали, и временами Яковлеву даже казалось, что о нем забыли. Те, у кого он спрашивал, уклончиво отвечали:

– Об этом узнаешь там. Доклад, по всей видимости, будет делать Лев Давидович.

Такие ответы только подогревали интригу. Когда Яковлев вошел в комнату, Троцкий о чем-то спорил с Урицким. Сути спора он не разобрал, сосредоточив все внимание на их лицах. И Троцкий, и Урицкий были удивительно похожи друг на друга. Оба черноволосые со взлохмаченными кучерявыми шевелюрами, у обоих борода клинышком и поблескивающие пенсне. Их можно было принять за двойников. Увидев Яковлева, оба замолкли и повернулись к нему. Яковлев обвел глазами стол и направился к свободному месту.

На совещании шла речь о дальнейшей судьбе бывшего Российского Императора Николая II. Троцкий сказал, что Николай – это символ царской России. Ее уже нет, но символ остался. И до тех пор, пока он существует, будет существовать угроза объединения вокруг него всей реакции. Лев Давидович обвел всех своими маленькими, искрящимися, словно раскаленные угли, глазами и спросил:

– Что будем делать?

– Я не понимаю твоего вопроса, – налегая грудью на край стола, тут же сказал Урицкий. – Решение может быть только одно – расстрелять. И чем быстрее, тем лучше.

– Моисей Соломонович прав, – поддержал его Познер. – Расстрел Николая явится последней точкой во всей истории царской России.

– Где его расстрелять? – спросил Троцкий.

– Там, где он находится, – в Тобольске, – сказал Урицкий. – И, повторяю, это надо сделать как можно быстрее. Контрреволюция собирает силы.

На Яковлева обрушился шквал эмоций. Еще совсем недавно царь считался наместником Бога на земле. Каждое его слово имело силу закона. А сейчас о нем говорят как об обыкновенном преступнике. Умом он понимал, что вся власть находится в руках людей, сидящих за этим столом. Но имеют ли они право так легко распоряжаться жизнью царя? Помазанника Божьего, как называли Государя в России? Да и кто они по сравнению с Государем, хотя и бывшим? Ведь всего несколько месяцев назад в России никто не слышал ни об Урицком, ни о Познере, ни о многих других. Яковлев с напряжением ждал, что скажет Троцкий, сейчас все зависело от него. Троцкий сделал большую паузу, затем спросил:

– А что думают остальные?

Яковлев заметил, как опустил глаза Луначарский. Но сидевший рядом с ним Менжинский порывисто соскочил со стула и сказал:

– Моисей Соломонович прав. С царем надо кончать.

Зиновьев и Каменев согласно кивнули. Они тоже походили на двойников, но не внешностью, а поведением. У них никогда не было разногласий, всегда и во всем они действовали заодно. Яковлев понял, что участь царя решена именно этими кивками. Осталось поставить последнюю точку. Но, к его удивлению, Троцкий отказался сделать это.

– Над царем надо устроить открытый всенародный суд, – переводя взгляд с одного несогласного на другого, твердо заявил он. – Я готов выступить на нем обвинителем. Обычный расстрел ничего не даст. Наоборот, он сделает царя святым. В России любят мучеников. Мас-



сам необходимо рассказать о преступлениях не только нынешнего царя, но и всего русского самодержавия. Этот процесс укрепит наши позиции в стране и докажет всему миру законность советской власти.

Над столом повисла напряженная тишина. Ее нарушил Бонч-Бруевич.

– А что думает Ильич? – глядя на Троцкого, спросил он.

– Ильич склоняется к суду, – тихо ответил Троцкий. – Демократическому суду в демократическом государстве.

И Яковлев понял, какой великолепный спектакль разыграл Троцкий. Все было заранее решено им и Лениным. Но если царя все же расстреляют, все будут знать, что ни он, ни Ленин к этому не причастны. Одного не мог понять Яковлев – зачем понадобилось на совещании его присутствие? Быть свидетелем обсуждения? Но это слишком банально.

В свидетели можно было пригласить и других, более известных людей. Тогда зачем? Он начал молча переводить взгляд с одного лица на другое.

– Если царя надо судить, то этот суд должен состояться в Москве, – сказал не проронивший до этого ни одного слова Луначарский. Яковлев обратил внимание на то, что он был очень бледен. Но сейчас белизна начала сходиться с его лица, он ожил, словно получив подпитку невидимой энергией. Поправил покосившееся на переносице золотое пенсне и, бросив взгляд на Урицкого, добавил: – Беда в том, что царь находится в Тобольске. Не много ли риска мы возьмем на себя, переправляя его в Москву?

– Риск, конечно, есть, – тут же согласился Троцкий. – По дороге Николая могут попытаться отбить сторонники монархии. Думаю, никто не сомневается, что в России их просто не счесть. Но дело не только в этом. Царя охраняет отряд особого назначения, сформированный еще Керенским. У нас, конечно, имеются контакты с его солдатами. Но при попытке увезти Николая из Тобольска может возникнуть все что угодно. Нам нужен очень надежный и очень опытный человек, который мог бы организовать это. – Троцкий сделал паузу, посмотрел на Луначарского и сказал: – Мне кажется, операцию можно поручить товарищу Яковлеву. Он хорошо зарекомендовал себя в подобных делах.

Яковлева словно прошибло током. Первым желанием было вскочить и отказаться от подобного поручения самым бескомпромиссным образом. Он не мог взять на себя такую громадную ответственность. Везти царя несколько тысяч километров по неуправляемой, раздираемой чудовищными противоречиями стране было выше его сил. Во всех губерниях организованные бандиты останавливают поезда в полях и лесах и грабят среди бела дня. Кто даст гарантию, что какая-нибудь банда не нападет на его поезд? Что делать тогда с царем? Расстреливать? Но он не может взять на себя роль палача. Пусть это делают другие. Яковлев уже взялся рукой за край стола и приготовился встать, чтобы отказаться от предложения Троцкого. Но в это время заговорил Урицкий, хорошо помнивший, как дерзко захватил Яковлев телеграф на Мойке.

– Я думаю, что товарищ Яковлев справится с поручением, – сказал он, глядя на Троцкого.

И Яковлев понял значение этого взгляда. Больше всего Урицкий боялся, что привезти царя поручат ему. И еще одно понял Яковлев. Урицкий ни за что не доведет его до Москвы. Не довели бы его ни Менжинский, ни Познер, ни другие, сидящие за этим столом. Он поднялся и, глядя теперь уже только на Троцкого, сказал:

– Для того чтобы привезти царя в Москву, нужно иметь надежную команду. В ней могут быть только те, кому доверяешь, как самому себе. Необходимы самые высокие полномочия. Я возьмусь за доставку, если буду иметь то и другое.

Яковлеву показалось, что Троцкий вздохнул от облегчения. Горящие раскаленными углями глаза погасли, он достал из кармана безукоризненно чистый носовой платок, снял пенсне, прищурившись, неторопливо протер маленькие блестящие стекла, снова надел пенсне на переносицу и сказал:

– Нам нужно ваше принципиальное согласие. По всем конкретным вопросам договоритесь со Свердловым.

И Яковлев увидел, как вдруг сразу потускнело ставшее усталым лицо Троцкого.

Свердлов встретил Яковлева как давнего друга, хотя их личное знакомство состоялось всего пять месяцев назад, во время Второго съезда Советов. Но в дни революции, когда суть человека раскрывается на протяжении одного поступка, и этого уже много. Свердлов верил Яковлеву прежде всего потому, что знал о нем, как об удачливом боевике. К тому же слышал от своих екатеринбургских земляков о том, что Яковлев всегда умеет привлечь на свою сторону других. Это было важно при разговоре с начальником отряда особого назначения Кобылинским и его командой.

Свердлов почему-то очень спешил.

– Царскую семью из Тобольска нужно вытащить до наступления ледохода, – сказал он после того, как они обменялись рукопожатиями и Яковлев сел за стол напротив него. – Ледоход отрезает город от остального мира на несколько дней. А нам нельзя терять времени.

Яковлев насторожился. На совещании у Троцкого речь шла только о царе, о семье не было произнесено ни одного слова, поэтому он спросил:

– Привезти одного царя или всю семью?

– А зачем оставлять там семью? – пожал плечами Свердлов. – Что ей там делать?

В этом был свой резон, и Яковлев немного успокоился. Но все же уточнил:

– Судить предполагается только царя или семью тоже?

– Я не вижу необходимости в суде, – сказал Свердлов. – Вина царя общеизвестна и парицы тоже. Но Лев Давидович настаивает на суде, и даже склонил на свою сторону Ильича. Суд так суд, – Свердлов сделал безразличное лицо. – Главное – вывезти семью из Тобольска. Мы боимся, что там может созреть заговор.

– Что представляет из себя отряд Кобылинского? – спросил Яковлев. – Что это за люди?

– Все до одного из гвардии, охранявшей Александровский дворец в Царском Селе, – сказал Свердлов, снял пенсне, положил его на стол и близоруко прищурился. – Многие из них давно знают царя и преданы ему. Правда, по нашим сведениям, в последнее время дисциплина в отряде стала падать. Но ни на какие компромиссы с нашими людьми они не идут. В Тобольске находится представитель Уралсовета Семен Заславский. Он пытался говорить с солдатами отряда, они его просто выставили.

– На что они живут? – спросил Яковлев. – Кто выделяет им средства на содержание?

– Откровенно говоря, не знаю, на что живут, – признался Свердлов и потер пальцами покрасневшую переносицу. – Мы никаких денег туда не переводим.

– Надо выяснить, – сказал Яковлев. – Наверняка они получали жалованье, и также наверняка после октябрьских событий никто им ничего не платил. Если я привезу в Тобольск это жалование, мне будет гораздо легче разговаривать с ними.

– Я распоряжусь, чтобы это выяснили завтра же, – ответил Свердлов. Рассудительность и деловая хватка Яковлева понравились ему.

– Очень большая проблема с людьми, – сказал Яковлев. – В Москве я мало кого знаю, а в отряде должны быть особо надежные люди. Что, если я возьму кое-кого из уфимцев? Они проверены, на них можно полагаться.

– Берите, кого хотите, – Свердлов надел пенсне и внимательно посмотрел на Яковлева, который все больше начинал нравиться ему. – Главное – вывезти из Тобольска семью.

– Когда может состояться отъезд? – спросил Яковлев.

– Как только вы будете готовы, – ответил Свердлов. – Я со своей стороны сделаю все в ближайшие два-три дня. Но, повторяю, выезжать нужно как можно скорее. Семья должна быть вывезена из Тобольска до ледохода.

Отряд Яковлев набрал быстро. Из Москвы пришлось взять с собой около ста человек и еще почти пятьдесят должны были прибыть в Тюмень из Уфы. Там отряду предстояло слиться воедино и в полном составе выступить в Тобольск. Свердлов решил все финансовые вопросы. Жалование солдатам Кобылинского и расходы на операцию, а это составляло больше пяти миллионов рублей, он вручил Яковлеву в чемодане в своем кабинете. И когда уже прощались, вдруг неожиданно сказал:

– Вам надо будет остановиться в Екатеринбурге. Там вас встретит товарищ Голощекин и подробно проинформирует о ситуации. Он будет все время находиться на связи со мной.

Яковлева это удивило. Он считал, что о его задании никто, кроме Свердлова, Троцкого и некоторых других руководителей, не знал. Для того чтобы иметь свою собственную связь со Свердловым, Яковлев брал с собой специально обученного телеграфиста. Все было обговорено, согласовано, и вдруг совершенно неожиданно выплывает фамилия Шаи Голощекина, сделавшегося в Екатеринбургском Совдепе военным комиссаром. Яковлев ничего не слышал о нем с того памятного эпизода в Уфе, случившегося более двенадцати лет назад. Удивление на его лице отразилось настолько, что это заметил Свердлов.

– Вас что-то смущает? – спросил он.

– Нет-нет, – торопливо ответил Яковлев. – Я знаю Голощекина еще с 1905 года. Однажды даже спасал его от жандармов.

– Вот как? – удивился Свердлов и тут же мимоходом заметил: – Очень надежный товарищ. Ему вы можете доверять во всем не менее чем мне.

Свердлов протянул руку, Яковлев попрощался, и с чемоданом денег и удостоверением комиссара советского правительства по особым поручениям, подписанном Лениным и Свердловым, вышел из кабинета председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета. Фамилия Голощекина не выходила из головы. «Зачем мне нужно встречаться с ним? – мучительно думал Яковлев. – И при чем здесь Екатеринбург, если я имею полномочия от первых руководителей государства? Не затевается ли здесь игра, в которой мне отведена роль отнюдь не главной фигуры?» Яковлев не любил недоговоренностей – они всегда вели к провалу операции – и знал, что теперь не успокоится до тех пор, пока не выяснит все до последней подробности. Обронив одну фразу по поводу Голощекина, Свердлов оборвал разговор, и не захотел продолжать его. Надо было попытаться что-то узнать в Екатеринбурге. Там люди попроще, могут проговориться.

Все двое суток, пока поезд шел до Екатеринбурга, Яковлев думал о Свердлове. До революции он никогда не слышал о нем ни в России, ни за границей. Откуда он выплыл на такую высоту и так неожиданно занял второе место в государстве сразу после Ленина? Еще в Петрограде он навел о нем справки и выяснил, что до революции Свердлов работал в Нижнем Новгороде учеником аптекаря. Имел несколько арестов и ссылку в Нарым. Вот и вся революционная деятельность. Но Ленин очень доверял ему. По наблюдениям Яковлева, даже больше, чем Троцкому. В чем причина такого доверия?

Сколько ни ломал голову Яковлев, он не мог ответить на этот вопрос. Затем пришла простая мысль: а может быть, Ленину предложили Свердлова в качестве правой руки? Такой вывод давал ответ на все вопросы. Но ставил и новый: кто мог предложить? Что за сила, которая могла заставить Ленина сделать это? Немцы отпадали сразу. Свердлов был не их племени, они бы наверняка предложили своего. Англичане и французы не имели на большевиков никакого влияния. Тогда кто? И почему Свердлов заговорил о всей семье? Ведь ни Троцкий, ни Ленин, у которого Яковлев был незадолго перед встречей со Свердловым, о семье не упоминали. Значит, решать судьбу семьи будет один Свердлов?

## Глава 3

В Екатеринбурге Голощекин встречал Яковлева у подножки вагона. Яковлев узнал его сразу, хотя за те годы, что они не виделись, Голощекин заматерел, на его лице появились уверенность и холерный лоск. Он был в кожаной тужурке и такой же кожаной фуражке с красной звездой на околыше. Только черная бородка и короткие усы остались неизменными. Рядом с ним находилась большая группа одетых в кожаные тужурки людей. Голощекин крепко пожал руку Яковлеву, отступил на полшага и, оглядев его с ног до головы, сказал не то с восхищением, не то с завистью:

– А я бы тебя не узнал. Ты стал слишком европейским, вид у тебя совершенно буржуазный.

Яковлев был в коротком дорогом пальто и шляпе, белой рубашке с галстуком и действительно походил на буржуа или зажиточного мещанина. Он любил красивую одежду и умел хорошо одеваться. Первую фразу Голощекина он пропустил мимо ушей, ожидая, что тот скажет дальше. Но Голощекин молчал, а Яковлев не знал, о чем с ним говорить. Пауза затягивалась и становилась неловкой. Оба это понимали, и Голощекин первым нарушил молчание.

– Ты когда-нибудь был в Екатеринбурге? – спросил он.

– Не довелось, – ответил Яковлев. – Все было как-то не по пути.

– Я приготовил тебе экскурсию. Мотор стоит у вокзала.

Голощекин показал рукой на вокзальные ворота, около которых виднелся черный легковой автомобиль. Яковлев с минуту раздумывал, стоит ли ему ехать, потом сказал, усмехнувшись:

– Хорошая идея. После унылого однообразия вагона смена впечатлений даже полезна.

Экскурсия по Екатеринбургу оказалась очень короткой. Проехав по нескольким улицам и набережной Исетского пруда, автомобиль остановился у гостиницы, прозванной в городе почему-то американской. Яковлев с нескрываемым удивлением посмотрел на Голощекина, ожидая подготовленный заранее сюрприз.

– Мы тут приготовили для тебя обед, – сказал Шая, распахивая дверцу автомобиля. – Столичных гостей надо принимать с подобающими почестями. Заодно хочу познакомить тебя с нашими товарищами.

Голощекин вышел из машины и жестом пригласил Яковлева. Тот молча пожал плечами и шагнул вслед за ним. Голощекин повел его на второй этаж, в комнату номер десять, где уже находилось несколько человек. Комната была просторной и светлой, посреди нее стоял большой стол, застеленный бело-голубой клетчатой скатертью. Яковлев оглядел сначала комнату, потом перевел взгляд на екатеринбуржцев. Одного из них, Белобородова, он знал. Тот приезжал однажды в Уфу и жаловался на отца, имевшего не то магазин, не то лавку и отказывавшегося ему помогать. Поэтому и запомнил его Яковлев. Оказалось, что Белобородов является председателем Уральского Совдепа. Кроме него в комнате находились Юровский, Сафаров, Войков и чем-то похожий на лису остролицый Авдеев. Все – комиссары Уральского Совдепа.

Сели за стол. В комнату тут же вошли две официантки, принесли обед. На первое был выглядевший аппетитно уральский борщ. Глядя на него, Яковлев почувствовал легкий голод. Все ожидали, когда он, как представитель Москвы, начнет разговор, но Яковлев молча взял ложку и начал есть. Голощекин, выждав небольшую паузу, тоже принялся за еду, но, отхлебнув ложку борща, сказал:

– Три дня назад со мной по телеграфу связывался Свердлов, предупредил о твоей миссии и распорядился встретить тебя.

– Спасибо, – сказал Яковлев, продолжая есть. – Яков Михайлович очень заботливый человек.

– Я вижу, что ты недооцениваешь ситуацию, – задетый внешним безразличием Яковлева, заметил Голощекин. – В Тобольске она очень сложная. Там находятся наши люди, но, как я узнал, из Омска в Тобольск собираются послать свой отряд. Они хотят перевезти царскую семью к себе. Непонятную политику ведет Кобылинский. Он по-прежнему считает себя ответственным за судьбу семьи, но ответственным перед кем? Временного правительства давно нет, нам он не подчиняется. Не исключено, что он попытается со своим отрядом вывезти семью из Тобольска и переправить за границу.

– А почему, собственно, вас так интересует семья? – Яковлев оторвал глаза от тарелки и в упор посмотрел на Голощекина. – Это дело Москвы, она им и занимается.

– Как почему? – удивился Голощекин. – Семья находится на территории Уральского совета. Мы несем ответственность за все, что происходит в его границах. Свердлов поручил нам быть с тобой в постоянном контакте и оказывать повседневную оперативную помощь.

– Когда поручил? – как можно спокойнее спросил Яковлев и отодвинул тарелку.

– В день твоего отъезда из Москвы. Вчера он снова подтвердил свое поручение.

Яковлев понял, что о миссии, которую он считал строго секретной, знает весь Урал. «Зачем это Свердлову? – недоумевал он. – Для чего он подключает Уральский совет и всю уральскую ЧК? И почему не ставит в известность меня? Почему не предупредил об этом меня еще в Москве?» Ответа на эти вопросы он не находил.

– Мы решили послать вместе с тобой в Тобольск Авдеева, – сказал Голощекин и кивнул в сторону сидевшего с края стола остролицего чекиста. – Он будет нашим представителем.

– Мне достаточно своих людей, – заметил Яковлев. – В Тобольске ведь уже находятся ваши представители.

Ему не хотелось иметь рядом с собой соглядатаев, но он уже понял, что с момента прибытия в Екатеринбург вся операция будет развиваться не так, как он ее задумал.

– Авдеев едет по нашему поручению и по согласованию со Свердловым, – сухо заметил Голощекин. Поведение Яковлева все больше начинало раздражать его. Это не ускользнуло от внимания Яковлева.

– Скажи, Шая, – спросил Яковлев, намеренно переводя разговор на другую тему, – много раз тебе приходилось бывать в таких переплетках, как тогда в Уфе?

– Много, – ответил Голощекин. – И в ссылке довелось побывать, и за границей тоже.

– Про границу я знаю, – сказал Яковлев. – А вот про то, как приходилось здесь, слухов доходило мало. За границу сообщали только о самом важном.

– После февраля мы со Свердловым организовывали в Екатеринбурге Совет рабочих и солдатских депутатов, – сказал Шая. – Потом он уехал в Петроград, а я остался здесь. – Голощекин на несколько мгновений замолчал и добавил: – В нашем Совете все люди надежные. У меня нет никаких сомнений в том, что в Екатеринбурге мы раздавим любую контрреволюцию. Она не сможет здесь поднять голову.

– Спасибо за обед, – Яковлев поднялся из-за стола. – Было приятно повидать старых друзей и познакомиться с теми, кого не знал.

Остальные тоже встали. Авдеев подошел к Яковлеву и остановился около него. Яковлев понял, что с этой минуты он будет следовать за ним как тень. Свердлов об этом распорядился или Голощекин, теперь уже не имело значения. Это приходилось принимать как неизбежность.

Уральские чекисты проводили Яковлева до вагона и еще долго стояли на перроне, глядя вслед удаляющемуся поезду. Они так и не поняли, что из себя представляет чрезвычайный комиссар. Слишком уж скрытным и недоступным показался он им. И Голощекин подумал, что у него с Яковлевым могут еще возникнуть непредвиденные проблемы.

Остановка в Екатеринбурге произвела неприятное впечатление и на Яковлева. Он вдруг понял, что за его спиной началась серьезная игра. Не приходилось сомневаться в том, что ее затеял Свердлов. Но какую цель преследовала эта игра, он не знал. Это настораживало и



заставляло продумывать каждый шаг. Яковлев даже повеселел, предчувствуя неминуемые острые ощущения. Словно ему опять предстояло брать банк или почтовый поезд.

Едва поезд тронулся от Екатеринбургского вокзала, как в купе к Яковлеву явился Авдеев. Остановившись у двери, он начал глазами обшаривать полки, пытаясь найти место, где мог бы устроиться. Яковлев вызвал к себе своего помощника Глушкова, отвечавшего за размещение команды в поезде, и сказал, глядя на Авдеева:

– Николай Михайлович, найдите, пожалуйста, место для этого товарища. Он едет с нами до Тобольска.

Авдеев с недоумением посмотрел на Яковлева, но Глушков взял его за локоть и повел с собой. Яковлев закрыл дверь купе и до самой Тюмени не выходил из него. В Тюмени его встречал старый друг по многим нападениям на почтовые поезда и банки Петр Гузаков. С ним было около полусотни таких же, как он, проверенных боевиков, а проще говоря, отчаянных головорезов. Они молча обнялись, и Яковлев понял, что он выполнил все поручения, отданные ему еще из Москвы. Недалеко от вокзала стояло несколько тарантасов, запряженных лошадьми. Гузаков провел Яковлева к одному из них, и вся кавалькада направилась в Тобольск. Куда сел Авдеев, Яковлев не посмотрел. Он отдал его на попечение Глушкова.

– Деревни все проверил? – спросил Яковлев, когда, миновав городские дома, тарантас выехал на гулкий деревянный мост через Туру. Лед на реке стоял еще прочный, и это успокоило его.

– До самого Тобольска, – ответил Гузаков. – Особенно Покровку и Иевлево. В каждой деревне оставил своих людей. Насчет лошадей и повозок договорено.

– Ночевать будем в Иевлево? – Яковлев поежился и плотнее натянул на колени полу своего короткого пальто. После теплого вагона ехать в открытом тарантасе оказалось холодно.

Гузаков скосил на него глаза, попросил приподняться, сунул руку под сиденье и достал новенький парусиновый дождевик.

– Надень, – сказал он, протягивая дождевик Яковлеву. – Пока доедем до Иевлево, будешь грязный как черт. Да и теплее в нем, продувать не будет. У тебя пальто барское, в таком только в городе щеголять.

Гузаков говорил это с нескрываемым восхищением. Ему нравилось, что из простого уфимского парня Яковлев превратился в заграничного щеголя. Он гордился доверием Яковлева и готов был выполнить любое его задание. Яковлев натянул дождевик на пальто и сразу стал похож не на щеголя, а на деревенского писаря. Если бы еще поменял шляпу на крестьянскую шапку, мог сойти и за возницу. Гузаков всегда отмечал про себя невероятную способность Яковлева мгновенно перевоплощаться. Эта способность не раз выручала его во время облав и ухода от жандармов.

– Ночевать будем в Иевлево, – сказал Гузаков, одобрительно посмотрев на закутавшегося в дождевик Яковлева. – У крестьянина Мезенцева. У него самая подходящая изба. Я поселил к нему наших людей.

Яковлев еще в Москве детально продумал весь путь, который придется проделать из Тобольска до железной дороги вместе с царской семьей. Рассчитал количество повозок, необходимых для перевозки семьи и охраны, наметил посты для каждой деревни, организовал предварительную разведку на всей трассе. Надо было учесть все. И возможность похищения царя монархистами, которых, вне всякого сомнения, осталось в России немало, и предотвращение каких-либо митингов и стихийных выступлений, и просто встреч царя с жителями деревень. Главным условием этого была тайна операции. Но Уральский Совдеп сделал ее всеобщим достоянием и не только послал в Тобольск свой отряд во главе с комиссаром Заславским, но и определил соглядата. Яковлев обернулся. Авдеев сидел в повозке, ехавшей сзади. Яковлев почему-то подумал, что именно там он и должен находиться. Обязанность соглядата все время держать в поле зрения наблюдаемого.

– Дорога до Тобольска проезжая? – спросил Яковлев.

– Днем уже сильно развозит, но проехать можно, – ответил Гузаков. – На Иртыше лед стоит еще крепкий.

– Ты и на Иртыше был? – удивился Яковлев. Он категорически запретил Гузакову появляться в Тобольске до своего приезда. Его могли узнать, и это сразу вызвало бы ненужные подозрения.

– Был, – усмехнулся Гузаков. – Но реку не переезжал. На Тобольск смотрел с левого берега. Кремль там красивый. Белокаменный. И церкви хорошие.

Петра Гузакова Яковлев знал по Уфе еще с юности. Шаю Голощекина на митинге в железнодорожных мастерских они охраняли вместе. В первых экспроприациях железнодорожных касс и почтовых вагонов участвовали тоже вместе. Но потом Петр привел в группу боевиков своего младшего брата Михаила – веселого, улыбчивого и безрассудно отчаянного парня. Во время нападения на самарских артельщиков Петра ранило, его удалось спрятать и спасти. А Михаила схватили жандармы. Суд приговорил его к смертной казни. Яковлев подготовил побег Михаила, передал ему в тюрьму три браунинга. Но после долгих раздумий Михаил бежать отказался, сказал, что больше не хочет мारать руки в невинной крови. Михаила казнили. Яковлев посчитал тогда это признаком малодушия и предательством интересов революции. Но в эмиграции уже не осуждал Михаила с такой категоричностью. Ведь жандармы и почтовые служащие, которых убивали боевики, честно выполняли свой долг перед государством и обществом. Яковлев никогда не забывал о первом убитом им жандарме, отце шестерых малолетних детей. За границей он часто думал о том, что повзрослев, они начнут мстить революционерам. С их стороны это будет всего лишь справедливый суд.

– Ты знаешь, – повернувшись к Гузакову, сказал Яковлев, – в последнее время я несколько раз видел во сне твоего брата Мишку. Жаль парня. Иногда даже думаю – зря мы втянули его в это дело. Ему бы жить да жить.

– Никто не знает, сколько нам с тобой жить осталось, – ответил Гузаков.

– Чего это ты так? – Яковлев с улыбкой посмотрел на своего боевого товарища.

– А ты посмотри, кто прибирает дело революции к своим рукам. Или не видишь?

Яковлев опустил голову, на несколько мгновений молчаливо задумался, потом сказал:

– Пока еще видно далеко не все. Учредительное собрание, на которое мы с тобой надеялись, разогнали. Но в революции есть ближайшие цели и главная перспектива. Скоро, очень скоро все прояснится. Знаешь, как раньше говорили: «Судите его по делам его».

– По делам и будут судить, – хмуро ответил Гузаков.

Колонна двигалась быстро. К обеду она была в Ялуторовске, где сменили лошадей, а поздно ночью в Иевлево. Яковлева с Гузаковым ждали в доме крестьянина Мезенцева. Яковлев с трудом слез с повозки, еле разогнул затекшие ноги. В своем модном городском пальто он замерз, дождевик предохранял его от грязи, но не от холода. Всю дорогу от Ялуторовска до Иевлево с неба сыпалась то снежная крупа, то моросил мелкий дождь.

Поздоровавшись за руку с каждым из встречавших его головорезов Гузакова, Яковлев сделал несколько шагов по двору, разминая мышцы. Возницы стали распрягать взмыленных, выбившихся из сил лошадей, а Яковлев с Гузаковым прошли в дом. Хозяин избы, молодой, широкоплечий мужик с широкой, аккуратно подстриженной русой бородой, стоя у порога, поклонился им в пояс. Его жена, тонкая женщина в темной кофточке с высокими плечиками и длинной, черной, как у монахини, юбке, зачерпнув из кадушки ковшик воды, помогла гостям умыться, потом их усадили за стол. Еда была скудной: квас с редькой, мелкие жареные карасики и несколько ломтей черного хлеба. Показывая рукой на стол, хозяин сказал:

– Извините, Ваше Превосходительство, что большего не поставили. Но сейчас Великий пост, а мы люди крещеные.

– Чего извиняетесь, – ответил Яковлев, усаживаясь на табуретку. – Мы такие же крещеные русские люди, как и вы. – Он поднял глаза на хозяина и, посмотрев ему в глаза, спросил: – Почему ты называешь нас превосходительствами?

– А сейчас не знаешь, кого как называть, – ответил хозяин. – Бога вроде отменили, господ тоже. Одни превосходительства и остались.

В глазах хозяина вспыхнули плутоватые искорки. «Ушлый мужик, – подумал Яковлев. – Впрочем, каждый русский мужик себе на уме. Это давно известно. Вечером накормит, в постель уложит, а ночью в этой же постели зарезать может». Похлебав квасу и обглодав несколько карасиков, Яковлев лег спать. Встал он рано, когда небо над селом едва начало светлеть. Но весь отряд уже был на ногах. Во дворе слышались мужские голоса, гремели укладываемые в повозки винтовки. Яковлев вышел на крыльцо, картинно потянулся, затем не спеша обошел двор, осмотрел усадьбу, вышел на улицу. Через день-два в этом доме должен будет ночевать царь. Надо было еще раз внимательно прикинуть, куда поставить охрану, чтобы оградить бывшего монарха от тех, кто захочет с ним пообщаться или хотя бы на него посмотреть.

А полчаса спустя кавалькада уже неслась по Тобольскому тракту. К городу подъехали вечером. Солнце уже село, оставив на холодном небе широкую полосу кровавой зари. На высоком правом берегу Иртыша красовался белокаменный кремль с куполами церквей. Заря подсвечивала его, выкрашивая стены розовым светом. Картина завораживала, и Яковлев замер, любуясь кремлем и раскинувшимся у его подножья городом. Потом дал команду переправляться через Иртыш. С Российским Императором он должен будет встретиться завтра. Яковлев много раз мысленно представлял эту встречу, старался предусмотреть все мелочи, в том числе и то, как будет разговаривать с Государем и его семьей. Ему казалось, что уже давно подготовился к ней. Но сейчас почему-то разволновался. Он хорошо понимал, что даже отстраненный от власти Император в душе оставался властелином. И эта никому не видимая граница между царем и им, несмотря на дарованное революцией равенство, была непреодолимой.

## Глава 4

В Тобольске Яковлев велел остановиться у губернаторского дома, где с августа прошлого года жила семья свергнутого Императора. Дом стоял за высоким забором, но окна второго этажа возвышались над ним, открывая тем, кто за ними находился, всю улицу, скверик на другой стороне ее и церковь за ним. Яковлев бросил быстрый взгляд на дом и окна, надеясь увидеть хотя бы чей-нибудь мимолетный силуэт. Но окна были завешены плотными шторами, по всей вероятности, это было предписано охраной. Наискосок от губернаторского дома стояло большое, тоже двухэтажное здание, в нем разместился солдатский комитет отряда особого назначения. Об этом комитете и его председателе Матвееве Яковлеву еще в Москве рассказывал Свердлов. У Матвеева были постоянные трения с начальником отряда Кобылинским. Яковлев понимал, что с Кобылинским, привыкшим к дисциплине, договориться будет легче, чем с солдатской вольницей, почувствовавшей свою силу. Поэтому решил начинать свои знакомства с комитета. Ведь с того момента, как Яковлев оказался в городе, он стал в нем самым высоким представителем советской власти. Все революционно настроенные солдаты теперь должны подчиняться только ему. Сняв заляпанный грязью дождевик и положив его в повозку, он направился к комитетчикам.

В большой комнате на нижнем этаже сидело около десятка людей в форме солдат царской армии, но без погон. Увидев на пороге Яковлева, все они, как по команде, повернулись к нему. Яковлев переступил порог, закрыл за собой дверь и громко произнес:

– Я – чрезвычайный комиссар советского правительства Яковлев. Прибыл в Тобольск по поручению Ленина и Свердлова. Могу я видеть председателя солдатского комитета?

Из-за стола тут же поднялся высокий сухопарый молодой солдат с узким лицом и настороженным взглядом. Несколько мгновений он молча рассматривал гостя, потом потребовал предъявить документы. Яковлев, помедлив, достал из внутреннего кармана пиджака кожаное портмоне, вытащил из него аккуратно сложенный вчетверо лист белой бумаги и протянул сухопарому. Под словом «Мандат» там было написано, что предъявитель сего документа является чрезвычайным комиссаром советского правительства и направляется в Тобольск с особым поручением. Все отряды, сформированные Советами рабочих и солдатских депутатов в Тобольске, Омске, Екатеринбурге, а также отряд особого назначения, возглавляемый Е.С. Кобылинским, должны беспрекословно выполнять распоряжения Яковлева. О целях своего прибытия он проинформирует комиссаров и командиров отрядов лично. Под текстом стояли подписи Ленина и Свердлова и печати Совнаркома и ВЦИК.

Сухопарый, прочитав бумагу, еще некоторое время смотрел на нее, перевернул на обратную сторону, покрутил в руке, потом протянул Яковлеву и сказал:

– Я – председатель солдатского комитета отряда особого назначения Матвеев. И мне очень хотелось бы знать о цели вашего приезда.

– Вот о ней я и хочу рассказать, – произнес Яковлев, пряча мандат в карман. – Но не вам одному, а всему комитету отряда. Когда мы можем собраться?

– Через час, – сказал Матвеев. – Многие члены комитета на дежурстве, некоторые в городе.

– Хорошо, я подожду. А пока, если не возражаете, я бы хотел осмотреть весь этот дом. Кстати, было бы неплохо, если бы на встречу пришел Евгений Степанович Кобылинский.

Возражений не было. Матвеев отправился собирать комитет, а Яковлев тем временем не спеша осмотрел оба этажа дома. Он хотел узнать, нельзя ли ему самому поселиться здесь. Здание находилось напротив губернаторского дома, где содержалась царская семья. Под рукой оказывался и солдатский комитет, значит, легче было завоевать доверие комитетчиков. Одно

неприятно – каждый твой шаг находился под их наблюдением. Но Яковлев привык быть осторожным.

На втором этаже было шесть комнат, и Яковлев решил, что одну из них они с Гузаковым могут занять без всякого ущерба для солдатского комитета. Когда он спустился вниз, комитет в полном составе уже ждал его в гостиной. За столом сидел офицер в полковничьей форме, но без императорских вензелей на погонах. Он был примерно одних лет с Яковлевым, гладко выбрит, его узкие ладони с тонкими длинными пальцами походили на руки музыканта. Полковник посмотрел на Яковлева спокойным взглядом выразительных серых глаз и встал из-за стола.

Яковлев подошел к нему, протянул руку и произнес:

– Чрезвычайный комиссар советского правительства Василий Васильевич Яковлев.

Кобылинский, щелкнув каблуками, вытянулся в струнку и отрапортовал:

– Начальник отряда особого назначения полковник Кобылинский.

Яковлев пожал его ладонь, которая оказалась не по-интеллигентски сухой и сильной, и чуть заметно улыбнулся. Ему хотелось с первого же момента произвести приятное впечатление на полковника. Кобылинский сделал жест рукой, приглашая садиться. Яковлев, осторожно отодвинув стул, сел за стол. Остальные члены комитета тоже сели, но места всем не хватило, пришлось приносить из соседних комнат стулья и ставить их у стены. Все с молчаливым, настроженным любопытством уставились на Яковлева. Он сделал паузу, поочередно рассматривая лица сидевших, и, почувствовав, что ожидание начала разговора переходит в напряжение, сказал, откинувшись на спинку стула:

– Вы здесь находитесь уже восемь месяцев, за это время в стране сменилась государственная власть. Россия вышла из войны, солдаты возвращаются домой, и вы, по всей видимости, тоже устали. – Он снова обвел взглядом сидевших за столом, ожидая реакции на свои слова, но ни на одном лице не увидел ничего, кроме угрюмой настороженности. – Временного правительства, которое платило вам жалованье, давно нет. Но вы честно и с высоким достоинством несете свою службу, и советское правительство хотело бы рассчитаться с вами.

После этих слов со многих лиц сразу спали каменные маски. Матвеев, дернувшись, спросил:

– Как рассчитаться?

– Наличными, – ответил Яковлев. – Деньги у меня с собой. Вы, как и положено, должны составить ведомость с указанием фамилии и оклада каждого члена отряда и предоставить мне последнюю квитанцию в получении денег. С этого дня и будет вестись начисление. Власть у нас с царской и временной сменилась на советскую, но бухгалтерия осталась прежней. – Яковлев улыбнулся. – За каждую копейку народных денег спрос очень строгий.

Представители комитета зашумели, говоря, что ведомость они составят тут же, а квитанции надо спрашивать с Кобылинского. Деньги на отряд получал он. Кобылинский сидел молча, ни во что не вмешиваясь. Казалось, что все происходящее вовсе его не касается. Яковлев понял, что полковник не до конца верит ему. Да и почему он должен верить человеку, которого впервые в своей жизни увидел всего несколько минут назад? Яковлев тоже бы не поверил. Повернувшись к Кобылинскому, он сказал:

– Как вы понимаете, Евгений Степанович, я только что с дороги. Об усталости говорить не хочу, но вот о комнате, в которой мог бы поселиться, сказать надо. В этом доме для меня не найдется какого-нибудь помещения?

Все сразу замолчали. Кобылинский мог бы предложить комнату Яковлеву в другом доме, но коль он пожелал остановиться в этом, вопросительно посмотрел на Матвеева. Тот неопределенно пожал плечами и нехотя произнес:

– Если потесниться, на втором этаже можно освободить одно помещение.

– Вы уж постарайтесь, голубчик, – мягко, но с нескрываемой иронией сказал Кобылинский.

Яковлев почувствовал, что отношения между начальником отряда и председателем солдатского комитета сложились непростые, но вмешиваться в них не имело смысла, поэтому он сказал, обратившись сразу к обоим:

– Ведомость можете составить и сегодня, но рассматривать ее будем завтра. А сейчас хочу немного осмотреть город и потом отдохнуть. Вы не покажете мне хотя бы нижнюю часть Тобольска, Евгений Степанович? – обратился он к Кобылинскому.

– Отчего же? – ответил Кобылинский и тут же спросил: – А вы что же, прибыли сюда без всякого багажа?

– О моем багаже заботятся мои люди, – сказал Яковлев.

На улице уже совсем стемнело. Над Иртышом и высоким берегом, увенчанным кремлем, рассыпались переливающиеся ледяным блеском звезды. На фоне ночного неба четко вырисовывались величественные очертания церквей. К ночи подморозило, тонкий ледок, покрывший лужицы, хрустел под ногами. Воздух был удивительно чистым и свежим, уже напитанным ни с чем не сравнимыми запахами весны. Яковлев с упоением вдохнул его и, повернувшись к Кобылинскому, спросил:

– Не надоело вам здесь, Евгений Степанович? Все-таки городок маленький. Скучно. Да и служба однообразная.

– Я воспитан солдатом. И хотя в России уже нет армии, до сих пор им остаюсь. А для солдата служба везде одинакова. А вы разве не служили? – Кобылинский остановился и посмотрел на Яковлева.

– К сожалению, не довелось, – ответил Яковлев. – Был занят другими делами.

– Как вам это удалось во время войны? – удивился Кобылинский. – Сидели в тюрьме или были в ссылке?

– Разве я похож на человека, который сидел в тюрьме? – спросил Яковлев.

– Многие революционеры побывали в тюрьмах, – Кобылинский шагнул в сторону, обходя лужу. – Такова участь всех, кто выступает против власти. Большевики ведь тоже будут сажать в тюрьмы. Без этого не обойтись.

– Вы правы, – ответил Яковлев. – Как же иначе удержать власть? Достоевский говорил: отними у русского человека Бога, и он превратится в зверя. Я скажу другое. Русский человек превратится в зверя и в том случае, если перестанет бояться власти.

– Власти или закона? – уточнил Кобылинский.

– Это одно и то же, – сказал Яковлев. – Ведь всякая власть должна быть гарантом закона. Но беда в том, что в России никто никогда не соблюдал закон.

– Почему же тогда большевики разогнали Учредительное собрание? – спросил Кобылинский. – Ведь его избрал народ. Сейчас именно оно должно быть олицетворением законности.

– Учредительное собрание больше чем на треть состояло из большевиков, – заметил Яковлев.

– И этого, по-вашему, оказалось мало? – Кобылинский повернулся к Яковлеву, стараясь заглянуть ему в глаза, но тот опустил голову. Они остановились у темного островерхого костела, крутой скат крыши которого накрыл черной тенью высокий берег Иртыша. Это сооружение резко отличалось от всех зданий Тобольска. Яковлев искренне спросил:

– Откуда здесь католический храм?

– Его поставили пленные шведы, – сказал Кобылинский. – После Полтавской битвы Петр I сослал в Тобольск много шведов. Тобольский губернатор разрешил им построить здесь свою церковь.

Яковлев замолчал, задумавшись о чем-то, потом сказал:

– Удивительный город. Куда ни ступишь, везде история. Мы с вами тоже можем войти в историю.

– Я не хочу играть в ней роль Пилата, – резко сказал Кобылинский. – Это не для меня. Я вообще не хочу входить ни в какую историю.

– Почему вы заговорили о Пилате? – спросил Яковлев.

Они снова вышли на улицу, на которой стоял губернаторский дом. Окна второго этажа тускло светились, из-за плотных штор наружу не проникало ни одной тени. Яковлев пытался представить, чем занимается сейчас царская семья. Он видел на портретах и в кинохронике только царя, но что представляет из себя царица, которую вся левая пресса пыталась выдать за немецкую шпионку, как выглядят четыре молодые царевны и царевич Алексей, не знал. Его мысли прервал Кобылинский.

– Почему я заговорил о Пилате? – переспросил он. – Потому что нельзя отдавать на суд толпе того, кого ей посылает Господь. Все, что лишено нравственного начала, рано или поздно получает возмездие.

– Вы имеете в виду бывшего Императора? – Яковлев повернулся к Кобылинскому, пытаясь понять, куда клонит полковник. – Николая послал Господь русскому народу?

– Завтра вы познакомитесь с ним, – сказал Кобылинский. – Вы же прибыли сюда именно за этим?

– Вы долгое время находитесь рядом с ними. – Яковлев остановился, глядя на тусклые окна губернаторского дома. – Скажите честно, у вас ни разу не было с ними никаких эксцессов? Никаких истерик или требований, никаких протестов?

– Ни одного, – ответил Кобылинский. – За все это время я не видел со стороны Государя ни одного хмурого взгляда.

– Удивительное самообладание, – заметил Яковлев.

– Да, – согласился Кобылинский. – Это привито им всем с молоком матери.

– В какое время к ним лучше всего прийти? – спросил Яковлев.

– После обеда. – Кобылинский поднял голову, посмотрел на губернаторский дом и спросил: – Что вы намерены здесь делать? Какова настоящая цель вашего приезда?

– Буду с вами откровенным, – сказал Яковлев. – Советское правительство решило, что миссия вашего отряда должна быть закончена. Вы с честью выполнили возложенное на вас задание. Теперь настала пора сменить вас.

– Я уже давно думал об этом, – глухо произнес Кобылинский. – Если сменилась власть, должен смениться и отряд. Ведь нас сюда посылал Керенский.

– Именно так, – подтвердил Яковлев.

– Скажите, а что будет с Государем? – спросил Кобылинский. – Его жизни ничто не угрожает?

– У меня есть распоряжение доставить семью в Москву. – Яковлев понизил голос. – Но я прошу вас пока никому не говорить об этом. Не надо преждевременно возбуждать людей.

– Чье распоряжение? – сразу насторожился Кобылинский.

– Ленина.

– Вы знакомы с Лениным? – с некоторым удивлением спросил Кобылинский.

– Да, – сказал Яковлев. – Мы познакомились еще девять лет назад в Италии, на Капри.

– Что он за человек и чего он хочет? – спросил Кобылинский. В его голосе звучал неподдельный интерес.

– Что он за человек? – переспросил Яковлев и на несколько мгновений задумался. Потом сказал с расстановкой: – Умный. Очень крепкий физически. Обладает чудовищной работоспособностью. Фанатично предан идее социализма. Хочет перестроить мир на принципах справедливости.

– Справедливости не бывает, – сухо заметил Кобылинский. – Возьмите любой пример из мировой истории. Прав всегда тот, у кого больше денег, или тот, на чьей стороне сила. До тех пор, пока Россия будет сильной и богатой, она будет всегда права. Не сумеет добиться

этого – будет виновата во всех всемирных бедах. Поверьте мне, сударь. В этом правиле нет исключений.

– Почему же тогда дворянство и буржуазия отдали власть? – спросил Яковлев. – Ведь на их стороне были и деньги, и сила.

– Значит, у кого-то этих денег оказалось больше, – сказал Кобылинский. И, резко повернув разговор на другую тему, спросил: – Вы действительно привезли деньги для нашего отряда?

– Вы в этом сомневаетесь? – удивился Яковлев.

– Это хорошо, что привезли, – сказал Кобылинский, и Яковлеву показалось, что он произнес это с облегчением. – В последнее время управлять отрядом становится все труднее. Выдача жалованья подтянет дисциплину.

– Я надеюсь на это, – заметил Яковлев.

Кобылинскому хотелось спросить о многом. О том, что происходит в российских столицах, чего хотят большевики, как организована их власть? Какая судьба ожидает Николая II и что будет с его детьми? Зачем их хотят увезти в Москву? В его сердце появилась неосознанная тревога.

За восемь месяцев тобольской ссылки Евгений Степанович Кобылинский помимо своей воли привязался к императорской семье. Кротость царских дочерей его поражала. Они были постоянно чем-то заняты. Рукодельничали, читали, сами стирали себе белье и гладили одежду, во время прогулок иногда озорничали, смеялись над остроумными шутками и вовсе не походили на надменных девиц, какими представляли их те, кто не знал. В их поведении, взглядах, самых простых жестах было что-то такое, что даже грубым людям не позволяло относиться к ним без уважения. Ни высокомерия, ни заносчивости, ни малейшей попытки показать свое превосходство. Кобылинский долго размышлял над этим и, наконец, пришел к выводу: внутреннее достоинство. Они сохраняли его во всех ситуациях, но, что было еще важнее, уважали это же достоинство в остальных.

Царевич Алексей любил играть, кататься с горки, иногда пилил с отцом дрова, расчищал от снега дорожки. В такие дни он весь сиял, с лица не сходила радостная улыбка. Он бросал снежки в сестер, они отвечали ему тем же, и за оградой губернаторского дома начинал звенеть веселый смех. В такие минуты Государь отходил в сторону, становился у стены дома, закуривал и молча смотрел на детей. Он любил их до самозабвения и, когда они затевали веселые игры, радовался вместе с ними. У него было совсем другое детство. Его с малых лет готовили к управлению великой страной, и поэтому вся жизнь с первых шагов была подчинена неумолимому и жесткому дворцовому протоколу. В нем не было места для веселья и детских игр.

Но радость на лице Алексея была редкой. Смертельная болезнь, унаследованная по линии матери, уже начала отражаться на его характере. Он все больше становился замкнутым, иногда часами молча сидел один в комнате, и в такие минуты ему не хотелось видеть никого, даже горячо любимого отца. Он брал в руки книгу, но, прочитав одну-две страницы, клал ее на колени, откидывался на спинку стула и молча смотрел в занавешенное окно или на стену. Никто не знал, о чем он думал в такие минуты. Может быть, спрашивал Господа, за что тот послал ему такие испытания, может, думал о России, в которой после охватившей народ смуты он уже вряд ли когда-нибудь станет царем. Близкие старались не нарушать его уединения. Болезнь Алексея уже давно стала болезнью всей семьи. Это заметил и Кобылинский.

Он много раз говорил о болезни Наследника с лейб-медиком Евгением Сергеевичем Боткиным, постоянно находившимся при Алексее. Но в ответ слышал только одно: «Я лишь облегчаю боль. Устранить ее причину ни я, никто другой не в силах. Все зависит только от Господа»....

Кобылинский тяжело вздохнул и повернулся к Яковлеву. Чрезвычайный комиссар смотрел на окна губернаторского дома. Он так внимательно вглядывался в них, что можно было



подумать, будто комиссар надеется увидеть там какие-то тайные знаки. Но Яковлев, словно очнувшись, вдруг спросил:

– Наследник Алексей действительно очень болен?

– Да, – ответил Кобылинский, удивившись, что в эту минуту они думали об одном и том же. – Вот уже две недели он совсем не поднимается с постели. Завтра вы убедитесь в этом.

– Как возникает эта болезнь? – спросил Яковлев.

– Обычно от ушиба. Но иногда может возникнуть и от неловкого движения. Под кожей образуется сильнейший кровоподтек, вызывающий очень сильную боль. Я удивляюсь мужеству, с которым мальчик переносит это. Не всякому взрослому мужчине такое под силу.

– Однако уже пора спать, – сказал Яковлев. – Поздно, да и устал я сегодня после такой дороги. Спокойной ночи, Евгений Степанович.

– Спокойной ночи, – ответил Кобылинский и направился к себе.

Яковлев действительно устал. Проводив Кобылинского, он несколько минут постоял около здания солдатского комитета, во всех окнах которого горел свет. Наружной охраны у здания не было, и это говорило о том, что Кобылинский не вмешивался в дела комитетчиков, а у Матвеева голова, по всей видимости, была занята не службой, а политикой.

Яковлев вошел в дом. За столом играли в карты. Увидев комиссара, несколько человек вскочили, но Яковлев жестом руки усадил их. Молча прошел на второй этаж в свою комнату. Ее уже прибрали, две кровати были застелены чистым постельным бельем, на столе стоял кувшин с водой и два стакана. Гузаков стоял у двери с револьвером в руках.

– Услышал шаги и на всякий случай приготовился, – сказал он, пряча револьвер под пиджак. – Изнервничался весь, пока ждал тебя. Больше в одиночку по Тобольску ходить не будешь.

– Я был с Кобылинским, – ответил Яковлев. – А ты чего всполошился? Есть повод?

– Обычная осторожность, – сказал Гузаков. – Мы здесь никого не знаем, а о нас говорят уже черт-те что. А главное, что мы хотим увезти царя.

– Кто говорит? – насторожился Яковлев.

– Комитетчики слышали от екатеринбургских чекистов.

– Не исключено, что готовят провокацию, – сказал Яковлев. – Много их?

– Точно не знаю, но человек двадцать будет наверняка.

– Завтра уточним. Деньги принес?

– Да, вот они. – Гузаков кивнул на кровать, из-под которой торчал угол чемодана. – Может, позвать кого-нибудь из наших людей? Лишняя охрана не помешает.

– Думаю, что не стоит, – сказал Яковлев. – Пусть комитетчики считают, что мы надеемся только на них.

– А что за человек Кобылинский? – спросил Гузаков.

– Пока не знаю, – сказал Яковлев. – Завтра познакомлюсь с ним поближе.

– А мне, Василий Васильевич, – Гузаков смущенно опустил голову, – очень хочется увидеть царских дочерей. Узнать, действительно ли они такие красивые, как молву о них распускают.

– Спроси завтра у Кобылинского, он тебе расскажет.

## Глава 5

Утром они встретились с Кобылинским в комнате заседаний солдатского комитета отряда особого назначения. Матвеев подготовил ведомости на выдачу жалованья и, когда Яковлев спустился на первый этаж, тут же попытался вручить их ему. Но Яковлев, поздоровавшись со всеми, спросил Кобылинского:

– Вы ознакомились с этими ведомостями, Евгений Степанович?

– Пока еще нет, – ответил Кобылинский.

– Проверьте их, пожалуйста, – попросил Яковлев. – Никто не знает всех людей вашего отряда лучше, чем вы. Я не хочу, чтобы в финансовый документ вкралась какая-нибудь ошибка.

– Чего здесь проверять? – нервно спросил Матвеев.

– Мне доверили очень большие деньги, – спокойно произнес Яковлев. – И я несу перед Советом народных комиссаров самую строгую ответственность за каждую истраченную копейку. Без подписи начальника отряда ни одна ведомость не может считаться действительной.

Яковлев специально сказал об этом, давая понять Матвееву и членам комитета, что с этой минуты все они находятся в его полном подчинении. Деньги – главная власть над людьми. Они – награда не только за добросовестный труд, но и за верную службу. И это должен понимать каждый.

Кобылинский молча подошел к Матвееву, взял листки ведомостей и, сев за стол, начал неторопливо просматривать их. Матвеев остановился за его спиной и, перегнувшись через плечо Кобылинского, смотрел, как тот подписывает составленные им листки.

– Пожалуйста, не дышите мне в ухо, – сказал Кобылинский, поворачивая голову к Матвееву. – И не облокачивайтесь на мое плечо.

Матвеев, сгорая от нетерпения, отошел в сторону, сделал несколько нервных шагов по комнате и остановился около Яковлева. Ему, по всей видимости, до сих пор не верилось, что сейчас он и остальные солдаты отряда получают деньги. В последнее время Матвеев, как и все остальные, очень нуждался. Жалованье не выдавали почти пять месяцев, не на что было купить даже табак. А теперь появлялась возможность обзавестись не только табаком, но и подарками для жен и детишек. Многие солдаты уже давно готовы были бросить службу и уехать домой.

Кобылинский, подписав последнюю ведомость, аккуратно сложил их в стопку и протянул Яковлеву.

– Все абсолютно верно? – спросил Яковлев.

– Все, – кивнул головой Кобылинский.

В эту же минуту в комнату вошел Гузаков. В руках у него был среднего размера чемоданчик из золотисто-шоколадной кожи. Все как по команде усталились сначала на Гузакова, затем на его чемодан. Яковлев взял чемодан, поставил его на стол, расстегнул ремни и замки, открыл крышку. Чемодан был набит пачками новеньких керенок. Матвеев и остальные члены солдатского комитета расширенными глазами смотрели на них. Не удержался от соблазна взглянуть на деньги и Кобылинский. Наконец Матвеев, сглотнув слюну, спросил:

– Выдавать будете керенками?

– А вы как же хотели, господа? – подчеркивая последнее слово и не скрывая иронии, сказал Яковлев. – Царя вы свергли и привезли сюда, в Тобольск. А теперь хотите, чтобы жалованье вам выдавали золотыми царскими червонцами? Все, что связано с императорской Россией, рухнуло. И червонцы тоже. Советская власть своих денег еще не выпустила. Так что рассчитывать будем керенками. Кстати, и Керенского вы тоже свергли.

– Не мы, а вы, – произнес один солдат, просверлив Яковлева недобрым, тяжелым взглядом.

– И мы приняли в этом самое горячее участие, – согласился Яковлев. Внимательно посмотрев на солдата, он закрыл чемодан, защелкнул замки и, обратившись к Кобылинскому, сказал: – Чтобы не было толчеи и беспорядка, я прошу вас, Евгений Степанович, поставить у входа в дом охрану. Сюда пропускать группами по пять человек.

Первыми получили деньги члены солдатского комитета. Каждый из них, не отходя от стола, слюнил пальцы и пересчитывал хрустящие новенькие купюры. Потом бросал короткое: «Благодарю», засовывал деньги в карман и отходил в сторонку. Яковлев обратил внимание на то, что все солдаты были грамотными. Расписывались быстро, четким почерком, иногда с красивыми вензелями. И он невольно отметил, что команда у Кобылинского подобралась неплохая.

Все то время, пока Яковлев выдавал деньги, за его спиной стоял Петр Гузаков. Подходя к столу, солдаты отряда сначала смотрели на него и только потом опускали глаза на денежную ведомость.

Через два часа чемодан Яковлева почти полностью опустел. Последним получал жалованье начальник отряда Кобылинский. Он сел напротив Яковлева на краешек стула, пододвинул ведомость и не торопясь поставил напротив своей фамилии длинную, аккуратную подпись. Деньги пересчитывать не стал, сразу положив их в карман.

Последние месяцы Кобылинский, как и все солдаты, жил в нужде, хотя и не признавался в этом. У него не было денег даже на то, чтобы купить у спекулянтов свежие носки и рубашку. Жалованье не выдавали с октября прошлого года до апреля нынешнего, а никаких доходов ни у него, ни у отряда в Тобольске не было. А деньги ему были необходимы. Евгений Степанович Кобылинский влюбился. Не закрутил роман, на который так горазды офицеры стоящей в глухом провинциальном городке воинской части, а, как ему представлялось, нашел свою единственную, настоящую любовь. Ей оказалась учительница гимназии Клавдия Михайловна Биттнер.

Стройная красавица с тонкими черными бровями и роскошными локонами пшеничных волос носила фамилию своего скандинавского пращура – пленного шведа, отправленного Петром I после Полтавской битвы в Сибирь. Швед женился на русской крестьянке и навсегда остался в Тобольске, подарив наследникам свою скандинавскую фамилию. Кобылинский познакомился с Биттнер, когда царевичу Алексею потребовался преподаватель русского языка. Царские дети не прекращали образования даже в ссылке. Французским языком с ними занимался швейцарский подданный Жильяр, английским – подданный Великобритании Гиббс, историю государства Российского преподавал сам Николай II. Преподавать русский язык и литературу было некому. Государь попросил Кобылинского найти детям хорошего учителя.

Кобылинский пришел в гимназию. Когда ему представили Клавдию Михайловну, он онемел. Ему показалось, что и она была поражена не меньше его. Она смотрела на него своими большими, выразительными темными глазами и все пыталась произнести какую-то фразу. А он, глядя на нее, забыл, зачем пришел в гимназию. Выручила директриса.

– Клавдия Михайловна, – мягко сказала она, – господину полковнику нужен преподаватель. Я порекомендовала ему вас.

Клавдия Михайловна протянула тонкую, узкую, слегка дрожащую руку, Кобылинский осторожно, словно боясь выронить, взял ее за пальцы, склонил голову и поцеловал.

А когда снова увидел глаза Клавдии Михайловны, понял, что она взволнована не меньше его.

– У меня к вам предложение очень деликатного свойства, – не отводя взгляда от ее прекрасных глаз, сказал он. – Не могли бы вы давать уроки одному мальчику.

– А в чем заключается деликатность? – постепенно приходя в себя, спросила Клавдия Михайловна.

– Мальчик болен. Он много времени проводит в постели.

– Где он находится? – спросила Клавдия Михайловна.

– Я сам буду каждый раз провожать вас к нему, – сказал Кобылинский.

– Но я могу это делать только после окончания занятий в гимназии, – она снова посмотрела на него своим завораживающим взглядом.

– Для мальчика это будет даже лучше, – сказал Кобылинский.

Однако, узнав, кому придется давать уроки, сразу сникла. Глядя на Кобылинского, совсем по-детски пролепетала:

– Извините, Евгений Степанович, но я с этим не справлюсь. Как же я могу преподавать Цесаревичу? Кто я такая?

– Успокойтесь, голубушка, – начал утешать ее Кобылинский. – Они такие же люди, как и мы. Очень добрые и очень воспитанные. Вы их полюбите сразу же, как увидите. Даю вам слово. Кроме того, на первом занятии я побуду с вами, пока не замечу, что вы успокоились.

Спокойствие пришло на первом же уроке. Цесаревич обрадовался новому человеку, тем более что им оказалась изящная и обаятельная учительница. Он жадно ловил каждое ее слово, постоянно улыбался еле заметной болезненной улыбкой и в конце занятия даже попросил разрешения поддержать ее за руку. Алексей лежал в постели после очередного приступа, лицо его было бледным и заострившимся, глаза тревожно расширены. Клавдия Михайловна видела, что, разговаривая с ней, он преодолевает боль, и в то же время чувствовала, что Цесаревич рад ей. Она протянула ему руку, он накрыл ее своей худенькой, горячей и влажной ладонью, закрыл глаза и на несколько мгновений замолчал. Он словно передавал часть своей боли ей, и она, видя страдания ребенка, готова была с радостью принять ее.

Потом пришла сестра Алексея, красивая и строгая Татьяна, и он попросил ее тоже посидеть с ним. Татьяна присела на кровать, нагнувшись, протянула руку и потрогала лоб брата. И, повернувшись к Клавдии Михайловне, сказала:

– Маленькому сегодня заметно лучше. Ему было плохо вчера.

Алексей опять слегка улыбнулся, но при этом посмотрел на сестру таким детским беспомощным взглядом, что у Клавдии Михайловны невольно кольнуло сердце. Она готова была сделать что угодно, только бы Алексей поправился, но понимала, что это выше ее сил. «Господи, как же ему тяжело!» – подумала она. И глядя, как бережно Татьяна ухаживает за братом, подумала еще о том, что царские дети относятся друг к другу с необычайной любовью.

Клавдия Михайловна иногда задерживалась у Алексея до позднего вечера. Она готова была часами беседовать с умным и любознательным мальчиком, зная при этом, что как бы ни задержалась, Евгений Степанович проводит ее до калитки дома. Ей было приятно идти рядом с ним по вечерней улице, ощущать поцелуй на своей руке, когда они расставались. Она, замирая, ждала этого поцелуя, ради него Клавдия Михайловна готова была прощаться по несколько раз в день. Сердца двух одиноких молодых людей тянулись друг к другу.

И сейчас, получив жалованье, Кобылинский прикидывал в уме, какой подарок он может сделать Клавдии Михайловне. Подарок должен быть дорогим и изящным, потому что он уже решил сделать ей предложение. Правда, женитьбе мешало одно обстоятельство. Он все еще оставался начальником отряда особого назначения и жил по строгим законам воинского распорядка. И если бы царскую семью решили перевезти в другое место, он, не задумываясь, поехал бы вместе с ней. Кобылинский боялся, что после смены отряда семье будет хуже. Он не знал, готова ли разделить с ним тяготы воинской службы Клавдия Михайловна. Но теперь вроде бы вопрос о службе решается сам собой.

В губернаторский дом они направились в три пополудни. Яковлев нарядился как франт. На нем был безукоризненный черный костюм, белая рубашка со стоячим воротничком и широ-

кий, короткий галстук. В его лакированные башмаки можно было глядеться, как в зеркало. Кобылинский был в своем элегантном офицерском мундире. Поднявшись на второй этаж, они прошли в гостиную, где их уже ждал Николай II. Он встал с дивана, сделал несколько шагов навстречу и протянул руку сначала Кобылинскому, затем Яковлеву. Николай II был в сапогах и офицерской форме без погон, и Яковлев подумал, что и форма, и отсутствие погон на ней имеют для бывшего Императора определенный смысл. Государь до сих пор числил себя военным, а отсутствие погон означало, что он принадлежит к уже не существующей армии. Для коронованных особ имело смысл все, в том числе и форма одежды, в которой они принимали посетителей. И еще Яковлев отметил крепкое рукопожатие Государя, выдававшее в нем недюжинную силу. Он тут же вспомнил рассказы о том, что любивший охоту и бывший бесстрашным отец Николая Александр III ходил на медведя с рогатиной.

Яковлев впился глазами в лицо Государя, стараясь запечатлеть каждую его черточку. Николай II был среднего роста, с мускулистой фигурой, его лицо обрамляла аккуратно подстриженная темно-русская борода, в которой серебрилась бросающаяся в глаза проседь. На высоком лбу пролегли две неглубокие, но уже хорошо заметные продольные морщины. От глаз к вискам тоже разбегались лучики морщин. Но что особенно бросилось в глаза – удивительно добрый, сразу располагающий к себе взгляд Государя. Поздоровавшись за руку, он улыбнулся совершенно искренней улыбкой, посмотрел Яковлеву в глаза и задал обычный в таких случаях вопрос:

– Как доехали?

И эта простая фраза вовсе не показалась протокольной. В словах Государя звучала искренняя забота о человеке, совершившем тяжелое и длительное путешествие. Слова Государя сразу избавили Яковлева от того внутреннего напряжения, с которым он шел в губернаторский дом. Он ожидал увидеть замкнутого и обзленного, измученного положением узника, человека, а Николай встретил его добрым взглядом. И Яковлев, отпустив руку Государя, ответил совершенно искренне:

– Дорогу уже развезло, но от Тюмени мы доехали сюда менее чем за два дня. А это двести шестьдесят верст.

– А что в Москве? – спросил Государь и снова посмотрел в глаза Яковлеву.

– В Москве все, как на вокзале, – сказал Яковлев. – Пассажиры прибыли, но еще не успели распаковать чемоданы. Правительство разместилось пока в гостиницах, в «Метрополе» и «Национале». Все службы только налаживают работу. Война, как вы знаете, прекращена. Но из всех государств советскую власть признала только Германия.

– Что, они уже и посла своего прислали? – не скрывая удивления, спросил Николай.

– Да, прислали, – кивнул головой Яковлев.

– И кто же он? – по лицу Николая пробежала легкая тень.

– Вильгельм фон Мирбах.

Николай II отвернулся, посмотрел в окно, выходившее во двор и потому не занавешенное, и, снова повернувшись к Яковлеву, спросил:

– Ну, так с чем вы приехали?

И Яковлев заметил, что впервые за время разговора доброта в глазах Государя сменилась на отчуждение. Да и вопрос прозвучал сухо и казенно. Но что именно расстроило Государя – быстрое признание советской России Германией или назначение послом Мирбаха, Яковлев не знал. Он не принял казенный тон Государя и старался продолжать разговор так же доброжелательно, как он начался.

– Вы уже восемь месяцев, как в Тобольске, Ваше Величество, – мягко сказал Яковлев. – Советское правительство не имеет никакой информации о вашем пребывании здесь. Ему нужны достоверные сведения об этом. Оно хотело бы также знать, нет ли у вас и вашей семьи каких-нибудь просьб и пожеланий.

В глазах Государя растаяли льдинки, и он произнес с грустной задумчивостью:

– Я хотел бы только одного – определенности.

Яковлев некоторое время помолчал, потом спросил:

– Как чувствует себя ваша семья?

– Все, слава богу, здоровы, – сказал Государь. – За исключением Алексея.

– Что с ним?

– Обычный приступ.

– Я могу его увидеть? – спросил Яковлев.

– Он только что уснул, – сказал Государь. – Ему было очень плохо. Боткин провел около его постели всю ночь. Мы тоже почти не спали.

– А как чувствуют себя дочери и Александра Федоровна? – спросил Яковлев.

– Александра Федоровна мучается головной болью. Это из-за тяжелой ночи, – сказал Николай. – А дочери у себя.

– Я могу их видеть? – Яковлев вопросительно посмотрел на Государя.

Николай II опустил глаза. Он понимал, что посланцем правительства комиссаров движет не праздное любопытство. Он должен убедиться в том, что вся семья находится в Тобольске и доложить об этом в Москву. И пока он не выполнит поручения, не уйдет из этого дома.

– Надо спросить у дочерей, – сказал Николай, повернувшись к высокой двустворчатой двери. Затем сделал несколько нерешительных шагов к ней и постучал.

За дверью раздался девичий смех, она открылась, и в проеме показалось очаровательное личико.

– Господа желают поговорить с вами, – сказал Государь.

Безмолвно стоявший все это время за спиной Яковлева Кобылинский выступил вперед. Но девушка смотрела не на него, а на Яковлева. Она, по всей видимости, не могла понять – ради чего желает их видеть элегантный молодой человек. Над ее плечом тут же показалось второе очаровательное личико. Дверь распахнулась, и выглянувшая первой девушка спросила, глядя на Яковлева:

– Это вы хотите с нами поговорить?

– Да, я, – ответил Яковлев, отметив про себя, что обе царские дочери выглядели очень привлекательно. На их лицах одновременно отражалось любопытство и нескрываемое озорство. – Не могли бы вы пройти в эту комнату? – Он показал рукой на место около Государя. Девушки вышли. Обе были среднего роста, стройные, обе одеты в белые кофточки из тонкой, нежной ткани и длинные черные юбки. Яковлев знал, что у царя четыре дочери и пытался отгадать, кто из них стоит сейчас перед ним. Но в это время из комнаты вышли еще две девушки, одна постарше, другая явно моложе всех остальных, и теперь он мог безошибочно сказать, что это были старшая дочь царя Ольга и младшая Анастасия. Значит, первыми вышли Татьяна и Мария. Все девушки были одеты одинаково.

Яковлев впервые в жизни видел великих княжон, слышал их дыхание, ему даже казалось, что он ощущал, как бьются их сердца. Они с любопытством смотрели на него, пытаясь понять, зачем понадобились незнакомому человеку. А у Яковлева вдруг закружилась голова от невиданной красоты и обаяния, сразу заполнивших все пространство большой и просторной комнаты. Ему захотелось поздороваться с каждой из великих княжон, поцеловать их тонкие, изящные руки, издающие еле уловимый аромат невероятно приятных духов. Он несколько мгновений удивленно переводил взгляд с одной девушки на другую, затем невольно сделал маленький, осторожный шаг навстречу, но тут же остановился и тихо произнес:

– Я – комиссар советского правительства Яковлев. Прибыл сюда из Москвы. Советское правительство хочет знать, нет ли у вас каких-либо жалоб на пребывание в Тобольске? Может быть, есть какие-нибудь пожелания?

Девушки переглянулись, Анастасия, посмотрев на одну из сестер, повернулась к Яковлеву с лукавой улыбкой в глазах и спросила:

– Как к вам следует обращаться? Просто Яковлев? Или гос-подин Яковлев? А может быть, товарищ? Сейчас все в охране называют друг друга товарищами.

Вопрос был явно с подковыркой, но Яковлев не смутился. Он улыбнулся Анастасии самой невинной улыбкой и сказал:

– Можете меня звать просто Василий Васильевич. А если вам нравится слово комиссар, зовите комиссаром. И коль уж я вам представился, не могли бы вы назвать себя и представить сестер.

Анастасия сделала маленький реверанс и сказала:

– Анастасия Николаевна.

Затем представила сестер. Сестры реверанса не делали, но когда она называла их, слегка наклоняли красивые головки. Яковлев внимательно смотрел на царских дочерей, пытаясь понять, как отразилось на них тобольское заточение. Но ни на одном лице не было сколько-нибудь заметных следов печали. Они или хорошо скрывали свои чувства, или свыклись с новыми условиями существования. Человек быстро привыкает ко всему и то, что считалось совершенно неприемлемым вчера, сегодня принимает как неизбежное. Но в его сердце тут же шевельнулась и нежность, и жалость к этим красивым девушкам. «Почему они оказались здесь? – искренне недоумевая, задал себе вопрос Яковлев. – Они-то в чем виноваты? Ленин хочет устроить открытый судебный процесс над царем, где обвинителем будет выступать Троцкий. Это право новой революционной власти. Но при чем здесь дети? Если Николай II, будучи двадцать два года во главе государства, мог совершить какие-то подлежащие осуждению деяния, то дети не только не имели никакого отношения к управлению страной, но, наоборот, как могли, помогали армии во время тяжелейшей войны с немцами. Все дочери во главе с Императрицей работали медицинскими сестрами в Царскосельском госпитале. А Татьяна была даже операционной сестрой».

– Значит, у вас нет ни жалоб, ни просьб? – спросил Яковлев, обращаясь сразу ко всем девушкам.

– Нет, – сказала Мария. – Спасибо Евгению Степановичу. Здесь к нам относятся лучше, чем в Царском Селе.

Яковлев не знал, что она имела в виду, говоря о Царском Селе.

Мария не могла забыть унижений, которым подвергался отец в первые дни после ареста семьи Керенским. Когда им впервые разрешили прогулку и семья спустилась в нижний зал Александровского дворца, там ждала выстроившаяся в шеренгу охрана. Николай II подошел к охранникам и начал здороваться с каждым за руку. Все, прищелкивая каблуками, пожимали его ладонь. Но стоявший предпоследним прапорщик вдруг убрал руку за спину и сказал:

– Когда вы были царем, а я рядовым солдатом, вы мне руки не подавали. А теперь я не хочу вам ее подавать.

– Где вы служили рядовым? – спросил Государь, на лице которого не дрогнул ни один мускул.

– Здесь, в Царскосельском полку.

Государь повернулся и пошел к выходу на веранду, которая вела в парк. Охрана, расступившись, последовала за ним. Выходка прапорщика не оскорбила Николая II. Не мог же он объяснять новоиспеченному прапорщику, что даже командир полка не пожимает руки каждому своему солдату. У него на это просто нет времени. Пожатие же руки Императором означает для солдата самую высокую честь. Ее надо заслужить или особой храбростью, или выполнением важного поручения. За что же он должен пожимать руку ничем не отличившемуся солдату Царскосельского полка? Одно, словно нож, полоснуло по сердцу Государя: откуда у людей возникает такая злоба? Он любил свою армию, любил каждого солдата, и, как ему каза-

лось, до вчерашнего дня они отвечали ему тем же. Откуда же взялся этот, не протянувший руки? Кто же так исковеркал его душу и сердце, которые должны быть преданы Отечеству и Государю? Ведь он же принимал присягу.

Николай II никогда не говорил на эту тему с детьми, но Мария знала, что история с прапорщиком оставила в сердце отца глубокий шрам. Сколько таких шрамов появилось на сердце с того дня? Спасибо Кобылинскому, он, как может, охраняет и отца, и всех остальных от недоброжелательства некоторых солдат.

– Скажите, Василий Васильевич, – глядя на Яковлева озорными глазами, спросила Анастасия, – а нельзя нам устроить прогулку по Тобольску? Сколько здесь живем, а города так и не видели. Даже в тех храмах, что расположены в кремле, не были.

– К сожалению, Анастасия Николаевна, пока это сделать невозможно, – ответил Яковлев. – К вашей семье особое внимание не только жителей, но и многих темных лиц, появившихся в последнее время в Тобольске. Я не могу ручаться за вашу безопасность. Говорю это вам с чистым сердцем.

Яковлев раскланялся и вышел, раскланялся и Кобылинский. Оказавшись на улице, Яковлев спросил:

– Они действительно ни разу не были в городе?

– Нет, – сказал Кобылинский. – Вы правильно ответили – в нынешнее смутное время за их безопасность нельзя ручаться. Наряду с очистительными источниками революция выбросила на поверхность общества все его нечистоты. Я никогда не думал, что в нашем народе столько злобы, ненависти, мстительной зависти. Иной готов дать отрубить себе руку, если после этого отрубят обе руки соседу. Вы верите, что революция может устранить всю нечисть, проникшую в души людей?

– Человечество борется со своими грехами со времен рождения Иисуса Христа, – заметил Яковлев. – И даже раньше. И, по-моему, еще ни в чем не преуспело.

– И вы считаете, что революция, как очистительная гроза, одним махом избавит нас от всех грехов? – Кобылинский даже остановился, желая услышать подтверждение тому, во что никогда не верил.

– Вы знаете хоть одного человека, не совершившего в жизни даже малейшего греха? – спросил Яковлев, глядя в глаза Кобылинскому.

– Знаю. И не одного, – не задумываясь, ответил Кобылинский.

– И вы можете мне их назвать? – Яковлев с недоумением посмотрел на Кобылинского, удивившись детской наивности полковника.

– Конечно, – ответил Кобылинский. – Вы только что разговаривали с ними. Я имею в виду великих княжон, а также Цесаревича Алексея. Вы в этом сомневаетесь?

– У меня сегодня голова идет кругом, Евгений Степанович, – честно признался Яковлев.

– И у меня тоже, – сказал Кобылинский. – Подумайте о Пилате. Я не зря вспоминал о нем.

Яковлев опустил голову и ничего не ответил. На его руках было много невинной крови. Он проливал ее, добывая деньги для революции. И вот она совершилась. Неужели и теперь будет литься кровь? Пора бы остановиться, иначе можно дойти до озверения. Разве ради этого делалась революция?

Из раздумий его вывел соглядатай Голощекина Авдеев. Яковлев не видел его со вчерашнего дня, не знал, чем он занимался в Тобольске. Авдеев так спешил, что, остановившись перед Яковлевым, несколько мгновений от волнения не мог произнести ни слова. И только успокоив дыхание, тяжело выдал из себя:

– Из Омска прибыл отряд во главе с комиссаром Дуцманом.

– Ну и что? – не понял Яковлев. – Какое нам дело до какого-то Дуцмана и его отряда?

– Они хотят увезти в Омск царя и его семью.



– Так уж и хотят? – Яковлев саркастически усмехнулся, повернулся к Кобылинскому и произнес: – Чудны дела твои, Господи. Не так ли, Евгений Степанович?

– Здесь ведь уже почти две недели находится и екатеринбургский отряд во главе с Семёном Заславским, – заметил Кобылинский. – Он несколько раз был у меня и требовал того же, что и Дуцман.

– Мои люди уже сообщили мне об этом, – нахмурившись, произнес Яковлев, помедлил немного и, подняв глаза на Авдеева, приказал: – Скажи Матвееву, чтобы сейчас же собрал солдатский комитет. Пора кончать со всей здешней самодеятельностью.

– Революция – это стихия, – заметил Кобылинский. – Она вся состоит из самодеятельности.

– Стихия – это бунт, – поправил его Яковлев. – А революция – хорошо организованное движение масс.

В большой комнате солдатского комитета отряда особого назначения, куда Яковлев вошел вместе с Кобылинским, его уже ждали. За длинным столом с одной стороны сидели Матвеев и его комитетчики, с другой – двое незнакомых и примостившийся около них Авдеев. Как только в комнате появился Яковлев, со второго этажа, громко стуча сапогами по лестнице, спустился Гузаков. Подойдя к Яковлеву, остановился чуть сзади него с левой стороны. Такую позицию занимают телохранители для отражения нападения. Яковлев неторопливо расстегнул пальто, снял его и передал Гузакову. Тот перекинул пальто через руку, но остался стоять рядом. Все молча наблюдали за этой сценой. Первым не выдержал Матвеев.

– Товарищ Яковлев, – громко сказал он. – В городе объявился еще один самозванный отряд, который требует передачи ему царя и его семьи.

– Что за отряд и кто его послал сюда? – неторопливо, умышленно придавая твердость голосу, спросил Яковлев.

– Вот перед вами сидит товарищ Дуцман. У него полномочия Омского городского совета рабочих и солдатских депутатов.

– В Тобольске полномочия имеет только один человек, – все тем же голосом сказал Яковлев и увидел, как Дуцман, вытянув шею, насторожил ухо. – Это я. Мои полномочия даны мне Лениным и Свердловым, и вы все об этом знаете. – И, повернувшись к Дуцману, спросил: – Где находится ваш отряд?

Узколицый Дуцман, с маленькой черной бородкой клинышком, еще недавно вальяжно сидевший в расстегнутой шинели за столом, встал и настороженно забегал глазами, переводя взгляд с Яковлева на Кобылинского и Матвеева. Затем нервно застегнул шинель на все пуговицы и сказал:

– Отряд приводит себя в порядок. Я дал команду разместить его на частных квартирах. Сам хочу устроиться в этом доме.

– Относительно дома не могу сказать вам ничего конкретного, – произнес Яковлев. – Здесь всем распоряжается товарищ Матвеев. А вот о вашем отряде скажу со всей определенностью. Чтобы через два часа на этом столе лежал список всех его членов с адресами расквартирования. Согласно моему мандату, все отряды, находящиеся в Тобольске, подчиняются только мне. Вам все понятно, товарищ Дуцман?

– Мне надо посоветоваться со своим отрядом, – сказал Дуцман, опустил глаза.

– Советоваться не о чем, – отрезал Яковлев. – Но поставить своих бойцов в известность о том, кто кому подчиняется в Тобольске, необходимо. И на счет списка не забудьте. Я вам говорю это со всей серьезностью. У нас каждый человек на счету, и сегодня более, чем когда-либо, необходимо единое руководство всеми нашими силами.

– Я могу идти? – спросил Дуцман.

– Можете, – ответил Яковлев. Повернулся к Гузакову и сказал, словно укоряя: – Чего держишь до сих пор пальто в руках? Повесь на вешалку у двери.

Затем взял левой рукой стул, на котором сидел Дуцман, поставил его в торец стола и сел, показывая, кто здесь хозяин. Кобылинский стоял, не зная как себя вести. Яковлев попросил его сесть справа от себя. После этого сказал:

– С сегодняшнего дня вся ответственность за судьбу царя и его семьи переходит ко мне и моим людям. От имени советского правительства я должен выразить благодарность отряду особого назначения и его начальнику Евгению Степановичу Кобылинскому за отлично выполненную службу. Одновременно с этим прошу всех и в дальнейшем выполнять свои обязанности по охране царской семьи. Я буду информировать вас о своих дальнейших шагах. Но, чтобы вы знали, каждый мой шаг согласовывается с Москвой.

Яковлев говорил правду. Поняв, что Цесаревич Алексей болен и триста верст в открытой повозке по разбитой дороге ему не перенести, он решил связаться со Свердловым и объяснить ситуацию. Надо было или увозить одного царя, или ждать, пока поправится Алексей. Еще в Москве Яковлев договорился со Свердловым о том, что для связи они будут использовать специальный шифр. С этой целью он взял с собой одного из бывших уфимских боевиков Степана Галкина, считавшегося лучшим телеграфистом губернии. С ним он и отправился на тобольский телеграф.

Пока Яковлев связывался с Москвой, Гузаков удалил из здания телеграфа всех сотрудников и посетителей и выставил вокруг него охрану. Галкин вызвал столицу, но кремлевский телеграфист ответил, что Свердлов нет на месте. Яковлев попросил срочно пригласить его, и за председателем ВЦИК отправили посыльного. Примерно через полчаса из Москвы сообщили, что Свердлов находится у аппарата. В телеграфную он пришел с большого совещания, которое проводил Ленин. Из этого факта Яковлев сделал вывод, что будущая судьба царя чрезвычайно беспокоит Свердлова. Если уж он ушел с совещания, которое проводил Ленин, значит, ничего важнее для него в эту минуту не было.

Яковлев, как и договаривались, передал условным шифром, что в связи с возникшими серьезными осложнениями одновременно доставить весь «груз» не представляется возможным. И поэтому спросил, есть ли необходимость переправлять его по частям? На что Свердлов тут же в категорической форме ответил: необходимо немедленно, еще до ледохода, отправить главную часть «груза», а затем ту, что на некоторое время придется оставить в Тобольске. И потребовал подтвердить распоряжение. Яковлев подтвердил.

Собрав телеграфные ленты, он сжег их в стоявшей на столе большой пепельнице, ссыпал пепел в урну, тщательно перемешал его и только после этого велел снять охрану и пустить служащих телеграфа в здание. Затем направился в губернаторский дом. Николай II сидел за столом и читал книгу. Увидев Яковлева, он с удивлением поднял на него глаза, вложил в книгу закладку и отодвинул от себя. Это был роман Мельникова-Печерского «В лесах».

– Ваше Величество, – сказал Яковлев без всякого предисловия. – У меня есть приказ советского правительства перевезти вас в Москву.

Ему показалось, что Государь вздрогнул. Упершись ладонью в стол, он резко встал, бросил на Яковлева быстрый взгляд и сказал:

– Я никуда не поеду.

Затем повернулся и, не говоря больше ни слова, направился в комнату, где находилась Александра Федоровна. Яковлев увидел, как за Николаем II закрылась дверь. На некоторое время он оторопел. В первое мгновение хотел кинуться вслед за Государем, но тут же спохватился. Что он мог сказать ему, да и стоило ли вести разговор, если царь находится в таком возбужденном состоянии? Постояв с минуту в гостиной и поняв, что разговор об отъезде продолжит сегодня не удастся, он направился к себе. А Николай II говорил в это время жене:

– Они хотят увезти меня в Москву. Я нужен им для того, чтобы скрепил своей подписью позорный Брестский договор, по которому Россию отдали на растерзание Германии. Я лучше дам отрубить свою правую руку, чем сделаю это. Столько жизней русских солдат положили на

войне, и теперь выходит, что все это было сделано напрасно? Как же могут они поступать так со своей Родиной?

Государь нервно ходил по комнате, Императрица молчала, не мешая ему говорить. Она по себе знала, что слова, как и молитва, облегчают душу. Он добровольно отказался от данной Богом власти для того, чтобы сохранить спокойствие государства и не проливать безвинную кровь народа. В благодарность за это Его и всю семью арестовали и сослали в Тобольск. А теперь Его подписью хотят скрепить величайшее предательство – сдачу России немцам. Если это так, то выходит, что Российскому Императору немцы доверяют больше, чем Ленину и Троцкому. Иначе зачем везти Государя в Москву?

Но Российский Император не может идти на поклон к немцам. Россия никогда не склоняла перед ними головы и не склонит даже сейчас, когда она отдана во власть поднявшегося на бунт народа. «Однако что-то надо делать», – думала Императрица и не находила ответа ни на один из своих вопросов.

## Глава 6

После того как Государь наотрез отказался уезжать из Тобольска, Яковлев пришел в свою комнату, сел на кровать и обхватил голову руками. Направляясь сюда, он не думал, что придется столкнуться с такими трудностями. Телеграфный разговор со Свердловым вызвал много вопросов. Под главной частью «груза», которую требовалось немедленно доставить в Москву, конечно же, подразумевался царь. Но почему же тогда Свердлов не пошлет телеграммы в Екатеринбург и Омск и не потребует от местных Совдепов всемерной помощи ему, Яковлеву? Ведь их представителей, прибывших в Тобольск, приходится принуждать к подчинению фактически с помощью угрозы применить силу. Такая ситуация в любой момент может привести к конфликту, и Свердлов, конечно же, понимает это. Неужели он хочет, чтобы возник конфликт? Для чего? Для того, чтобы расправиться с семьей и всю вину за это возложить на Яковлева?

От этой догадки ему стало нехорошо. Он знал, что всякая власть цинична, но никогда не думал, что она может быть циничной до такой степени. Ему вдруг вспомнилось, как переглядывались между собой Урицкий и Троцкий, и теперь это тоже вызывало подозрения. Неужели они заранее сговорились и так блестяще разыграли перед ним спектакль? Что же делать теперь ему? Отказаться от выполнения задания и возвращаться в Москву? Но там его сразу же обвинят в измене революции. А что станет с царской семьей? Он только теперь понял, что ее ждет неминуемая смерть. И Николай, очевидно, интуитивно почувствовал это. Поэтому так категорично отказался уезжать из Тобольска.

Яковлев вспомнил бледного, страдающего от постоянных болей Наследника, издерганную непрекращающейся болезнью сына и унижениями заточения Александру Федоровну, прекрасные, но печальные лица великих княжон, и ему стало не по себе. «За что страдают они, – подумал он. – Только за то, что в их жилах течет царская кровь?»

Гузаков, лежавший в одежде на соседней кровати, повернул взлохмаченную голову и спросил:

– Что-то случилось, Василий Васильевич?

– Душа страдает, – положив руку на грудь, сказал Яковлев.

– А ты о ней забудь, – посоветовал Гузаков. – Сразу легче станет.

– Душа – самое ценное, что есть у человека, Петя. Нет ничего страшнее, чем стать бездуховным существом. Тогда становится дозволенным все. В том числе и власть над другими душами.

– А мне казалось, что мы с тобой уже давно души дьяволу отдали, – сказал рассмеявшись Гузаков.

– Мне тоже иногда это казалось, – вполне серьезно ответил Яковлев. – А выходит, что Господь просто так к дьяволу никого не отпускает.

– Я думал, что Заславский с Дуцманом передерутся, – сказал Гузаков. – А они, оказывается, одни и те же инструкции имеют.

– Чьи инструкции? О чем ты? – Яковлев вскинул голову и резко повернулся к Гузакову.

– Не знаю чьи, – ответил Гузаков. – Но мы с тобой им поперек горла. Недавно они тут сидели и говорили, что надо звать подкрепление. Иначе царскую семью перевести в тюрьму не удастся. Заславский тут же побежал на телеграф связываться с Екатеринбургом.

– А Дуцман? – спросил Яковлев.

– И Дуцман с ним.

Яковлева словно обожгло. То, что он только предполагал, оказалось правдой. И телеграммы, по всей видимости, уже давно ушли и в Омск, и в Екатеринбург. Только говорилось в них не о помощи комиссару советского правительства, а совсем о другом.

Яковлев вдруг понял, что с самого начала было задумано две операции. Одна, отвлекающая, поручалась ему. Другая, главная, – уральским и омским чекистам. Одновременно с этим намечались и две жертвы – Яковлев и царь. Никакого суда над бывшим царем не будет, он никогда не доберется до Москвы, как и его семья. Никого из них не пропустят дальше Екатеринбурга. Иначе бы не сустились так екатеринбургские чекисты. Надо искать решение. Но какое? Яковлев встал и нервно заходил по комнате.

– Да не принимай ты все так близко к сердцу, – сочувственно сказал Гузаков. – С Дуцманом и Заславским справимся без проблем.

– Если бы дело было только в них, – тяжело вздохнув, сказал Яковлев. – Все намного серьезнее. Настолько серьезнее, что и представить нельзя. Ты на всякий случай предупреди наших людей. А я пойду в губернаторский дом. Мне надо еще раз поговорить с царем.

– Он что, отказывается ехать?

– Дело не в этом.

– А в чем?

– Ты знаешь, куда его везти?

– В Москву, куда же еще?

– Ты уверен, что мы его довезем? – спросил Яковлев.

– Вчера верил, а сейчас не знаю, – пожал плечами Гузаков. – Думаешь, отобьют?

– Нам с тобой, Петя, ни в какие сражения вступать нельзя. У нас с тобой сил для этого нет. Но думать о победе надо. Без этого жизнь не интересна.

Яковлев улыбнулся и обнял Гузакова за плечо. И тот увидел в его глазах дерзкие огоньки, так хорошо знакомые ему по многим нападениям на банки и почтовые поезда во имя революции. «Неужели он опять что-то задумал? – с восхищением подумал Гузаков. – Если задумал, то это должно быть чем-то совершенно особенным».

– Проверь наших людей, – сказал Яковлев. – А я пока нанесу визит помазаннику Божьему.

На этот раз Яковлев явился в губернаторский дом без предупреждения. Государь был в гостинной вместе с Императрицей. Он стоял у окна и задумчиво смотрел во двор, окруженный забором, за которым виднелись крыши домов и простирающаяся за Иртышом пойма. Снег уже сошел с нее, обнажив смятую, рыжую прошлогоднюю траву с синими зеркалами лужиц в низинках. Александра Федоровна сидела в кресле и что-то вязала. Увидев на пороге Яковлева, она настороженно подняла голову, а Государь повернулся от окна и остановился взглядом на комиссаре.

– Мне надо поговорить один на один с Его Величеством, – сказал Яковлев, глядя на Императрицу.

– Что это значит? – вспыхнула Александра Федоровна. – Почему я не могу присутствовать?

Яковлев растерялся и несколько мгновений молча смотрел на Государя. Тот шагнул от окна и произнес:

– Говорите.

– Ваше Величество, – сказал Яковлев. – Я еще раз заявляю, что мне поручено доставить вас в Москву.

– Я же сказал, что никуда не поеду, – сухо ответил Николай.

– Прошу вас этого не делать, – спокойно произнес Яковлев. – Вместо меня могут прислать другого, менее гуманного человека. Мы должны выехать завтра, в четыре утра. У нас совершенно нет времени. Если вы не хотите ехать один, можете взять с собой кого угодно. За вашу жизнь я отвечаю своей головой.

– Я тоже поеду, – встав с кресла, неожиданно сказала Государыня. – Я не оставляю его одного.

– Хорошо, – сказал Яковлев. – Но я очень прошу вас брать с собой как можно меньше сопровождающих и багажа. У нас мало транспорта.

Он сдержанно поклонился и вышел. В большой комнате солдатского комитета отряда особого назначения, куда он пришел, Матвеев, Дуцман и Заславский играли в карты. Увидев Яковлева, они отложили их в стороны и, не сговариваясь, повернулись к нему. Он понял, что его ждали.

– Снова ходили к бывшему царю? – сверля острыми черными глазами Яковлева, спросил Заславский.

– Да, – ответил Яковлев. – Ходил.

– Нам надо со всем этим делом кончать, товарищ Яковлев, – вальяжно откинувшись на спинку стула и закинув ногу на ногу, сказал Заславский.

– С каким делом? – не понял Яковлев.

– С Романовыми, с каким же еще!

– У меня, товарищ Заславский, в отличие от вас, в отношении Романовых имеются строгие инструкции товарищей Ленина и Свердлова, – напрягая скулы, сказал Яковлев. – И я обязан в точности выполнить их. Чего бы это ни стоило. Иначе грош цена всей нашей революционной власти и революционной дисциплине.

– Вы хотите увезти их?

– Не только хочу, но и увезу.

– Когда? – спросил Заславский, вскочив со стула.

– Завтра утром. И вас, товарищ Заславский, а также всех остальных прошу беспрекословно подчиняться мне. Вы уже получили инструкции из Екатеринбурга?

– Да, я должен вам подчиниться, – опустил голову, сказал Заславский. – Я дам своим людям соответствующее распоряжение.

Дуцман встал и, не говоря ни слова, вышел из комнаты. Матвеев некоторое время растерянно смотрел то на Яковлева, то на Заславского, потом сказал:

– Вы не имеете права забрать царскую семью без нашей охраны.

– Именно об этом я и хотел поговорить с вами, – сказал Яковлев. – Для сопровождения мне нужно двадцать человек из вашего отряда. Я уже предупредил об этом Кобылинского. Подготовьте их, и чтобы завтра в четыре утра они были у губернаторского дома.

– Почему только двадцать? – спросил Матвеев.

– Я увожу лишь царя и царицу. Остальные остаются с больным Алексеем. Через две недели я вернусь за ними. Вашему отряду надлежит охранять их с той же тщательностью, с какой вы делали это до сих пор. Больше нет вопросов?

Матвеев пожал плечами. Яковлев уже намеревался подняться к себе на второй этаж, как в комнату влетел запыхавшийся Авдеев. Не заметив Яковлева, он, почти крича, обратился к Заславскому:

– Вы знаете, что Яковлев завтра увозит царя?

Заславский сверкнул глазами, а Яковлев громко рассмеялся.

– Однако конспирация у вас в Тобольске налажена самым отменным образом, – сказал он, не скрывая ехидства. – Не успели в этом доме чихнуть, а уже всему городу известно, кто это сделал.

Авдеев испуганно заморгал, а Яковлев не торопясь поднялся в свою комнату собирать вещи. Перед тем как лечь спать, еще раз перебрал в памяти все свои распоряжения и ту информацию, которая касалась завтрашней поездки. Повозки были наняты, с каждым кучером переговорил он сам, охранять кавалькаду будут Гузаков со своими двадцатью кавалеристами и солдаты отряда особого назначения, которых определили Кобылинский с Матвеевым.

Кобылинский целый день не отходил от Яковлева, пытаясь узнать, зачем везут в Москву Николая II. Яковлев и сам точно не знал этого. В вероятность суда он уже не верил. Да и в

чем обвинять бывшего царя? В том, что отказался от власти? Или в том, что принял ее на себя после смерти отца? Но, видя, как переживает Кобылинский, сказал ему, стараясь придать голосу как можно больше искренности:

– Вы думаете, здесь ему будет лучше? Вы же видите, что происходит в Тобольске. Город наводнен дезертирами и многими другими подозрительными личностями. Сюда постоянно прибывают представители то одного, то другого Совдепа. Охранять семью становится все труднее. Ваш отряд тоже начал разлагаться.

– Вы заметили это? – перебив его, спросил Кобылинский.

– Кто же этого не заметит, – сказал Яковлев. – Чем дольше будет оставаться семья в Тобольске, тем меньше гарантий ее безопасности. В Москве таких гарантий значительно больше. Правда, я слышал, что Ленин хочет устроить общественный суд над Николаем II. Обвинителем на нем собирается выступить Троцкий. О других членах семьи ни Ленин, ни Свердлов не говорили ни слова. Судить их не за что. Уверен, что им ничто не угрожает.

– Вы можете дать честное слово, что все обстоит так, как вы говорите? – спросил слегка побледневший Кобылинский.

– Даю, если вас это устроит, – произнес Яковлев.

– Спасибо, – сказал Кобылинский. – Других гарантий я все равно не получу. Господи, как все изменилось! – Он нервно вздохнул и посмотрел вдоль улицы, в конце которой показалась повозка с пьяными дезертирами. Один из них играл на гармошке, остальные горланили революционные песни. – Теперь это видишь каждый день. – Кобылинский отвернулся и опустил голову. – Но так хочется надеяться на лучшее.

– Мне тоже, – сказал Яковлев.

Проснулся он рано. В темные окна комнаты, переливаясь, смотрели крупные весенние звезды. За стенами дома слышалось гроыхание повозок, раздавались громкие мужские голоса. Яковлев вскочил с постели, быстро оделся и только после этого посмотрел на часы. Было всего лишь три. До отъезда оставался целый час. Надо было привести себя в порядок и выпить стакан чаю. Яковлев отодвинул штору и посмотрел через дорогу. Все окна губернаторского дома были освещены. Там, по-видимому, давно не спали, а может быть, не ложились в эту ночь вообще. У него защемило сердце. Он впервые подумал о том, что вся жизнь императорской семьи висит на волоске. От Заславского с Дуцманом можно ожидать любой провокации. Еще большую провокацию может устроить Голощекин, полновластный хозяин Екатеринбурга. Надеяться можно только на своих людей. На Гузакова и его команду, и на тех, кого оставил в селах по дороге из Тюмени в Тобольск. Без них и царская семья, и сам Яковлев полностью находились бы в руках Заславского и Дуцмана.

Гузакова в комнате не было. Он ушел к своим боевикам и сейчас уже инструктировал их. Нужно было, чтобы они следили не только за царской четой, но и за людьми Матвеева. Ни на одного из них нельзя было положиться, никого из них, ни Яковлев, ни Гузаков не знали.

Ночью подморозило, но воздух уже был наполнен весенними ароматами. Вчера вечером Яковлев видел, как над Иртышом, сердито гогоча, пролетели на север несколько табунов гусей. Весна наступала неотвратимо, и надо было использовать последнюю возможность перебраться на лошадях через реку. Ледоход мог начаться в любую минуту.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.